

Александр Холин

АДАМАНТОВЫЙ ИРМОС
ИЛИ

ХРОНИКИ ОНГОНА

Александр Холин

**Адамантовый Ирмос,
или Хроники онгона**

«Автор»

2014

Холин А. В.

Адамантовый Ирмос, или Хроники онгона / А. В. Холин —
«Автор», 2014

Само название романа – Адамантовый ирмос или хроники онгона – дословно переводится как «Бриллиантовый псалом или хроники адского пламени». Может ли церковное песнопение состоять из алмаза? И может ли оно сверкать адским пламенем, например, во время литургии? Весь вопрос в том, под каким ракурсом на это посмотреть. Ведь давно известно, что адское пламя очень часто сжигает человека изнутри. С одним христианским священником такое произошло как раз во время Богослужения. С чудесами мы сталкиваемся каждый день, только не желаем ничего видеть, мол, не может быть ничего такого, что человек объяснить не в силах. И всё же доступ к энергии Космоса люди чувствуют. Особенно из мирских людей к этому расположены писатели, музыканты, поэты, художники. Просто потому, что с параллельным Зазеркальем у них более короткая связь, благодаря духовному таланту. Вот поэтому с героем романа происходят странные вещи. Почему это так – никто до сих пор ответить пока не мог, но эта книга, может быть, приоткроет завесу Истины, недоступной пониманию человека. Герою приходится путешествовать по сгоревшим романам разных писателей. Кстати, курсивом отпечатаны чудом уцелевшие цитаты из давно сгоревших романов.

© Холин А. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Холин

Адамантовый ирмос, или Хроники онгона

Криптографический приключенческий роман

Немногие люди могут сказать о себе, что они свободны от веры в то, что этот мир, который они видят, не является в действительности плодом их воображения. Если это так, довольны ли мы им, гордимся ли мы им тогда?

Айзек Динесон

Пусть в этой сказке тебе откроется моя нелюбовь к игре светотени и желанность для меня ясного, тёплого и всепроникающего Эфира.

Новалис

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Мы, каждый день, сталкиваясь с ангелами, не знаем даже кто они, откуда и не является ли любой из них плодом нашего воображения? Конечно, не верить – легче, мол, меня умного ничем не обманешь! Или: этого не может быть, потому что не может быть никогда! А почему, собственно, не может?

Само название романа – Адамантовый ирмос или хроники онгона – дословно переводится как «Бриллиантовое песнопение или хроники адского пламени». Может ли церковное песнопение состоять из алмаза? И может ли оно сверкать адским пламенем, например, во время литургии? Весь вопрос в том, под каким ракурсом на это посмотреть. Ведь давно известно, что адское пламя очень часто сжигает человека изнутри. С одним христианским священником такое произошло как раз во время Богослужения.

Человеку всегда приятнее оказаться самым умным, самым главным, самым себялюбивым в подлунном мире. Но от фактов никуда не денешься. Далеко ходить не будем. Россия всегда была странноприимной страной, богатой Екклесиастами,¹ чудесами, умами и настоящим человеческим альтруизмом, чуждым зарубежным странам, особенно в настоящее время.

Итак, что же нам сообщает госпожа История?

Много нашествий перенесла Русь, но заглянем в не такое уж далёкое время.

В начале XIX века известный многим император Наполеон шибко раскатал губы на гиперборейскую кладовую природных ресурсов. Тем более, что один из французских учёных, посетивших Россию в поисках легендарной Ариан Вэджи – потустороннего города нибелунгов – наткнулся на сказочный Аркаим – столицу царства Десяти Городов, где в архивных документах, имеющих на руках французов, говорится об этом гиперборейском городе, как о входе в Шамбалу.

Известно также, что человек, получивший разрешение на вход в Зазеркалье и побывавший в Шамбале, получит власть над всем миром. Не эта ли заманчивая идея повлекла Наполеона в Россию? Но императору, победившему русское войско, оккупировавшего столицу, не повезло. Сама Богородица явилась к Наполеону со скромным советом не трогать Русь и убраться восвояси.

Император, хоть и слыл среди французов величиной не робкого десятка, только с потусторонними силами воевать был не готов, поэтому в то же утро французские войска в панике оставили Москву под адамантовый ирмос Богородицы.

Лишь корсиканская мстительность всё же не дала Наполеону убраться без скандалов. В Кремлёвских подвалах «лягушатники» заложили множество бочек пороха – чтобы получилось этакое публичное хлопанье дверью на прощание. Как ни странно, этого не свершилось. Французские бомбардиры не смогли взорвать ни одной бочки. То есть адское пламя не смогло сожрать Кремль под покровом Царицы Небесной.

На этот историко-биологический артефакт нигилистические материалисты тут же сочинили многомудрые объяснения, не выдерживающие никакой критики.

Переселимся немного поближе, в двадцатый век. Фашисты в 1941 году рвались в ту же Москву, с конкретной установкой командования – взять столицу любой ценой. Об этом стало известно Джугашвили-Сталину-Кобе, который сам готовил нападение на Германию и никак не ожидал, что партайгеноссе Гитлер его опередит. Сталина выручило, что в юные годы он два года учился в семинарии, и худо-бедно был знаком с энергетикой Космоса, доступной только Проповедникам.

¹ Екклесиаст (др. евр.) – Проповедник, Пророк.

Несмотря на то, что Джугашвили-Кобу выгнали из семинарии за воровство и, казалось бы, любая церковь вождю противопоказана, у него хватило ума отыскать в Донском монастыре блаженную Матронушку, московскую пророчицу.

Видя, что пособник Антихриста пришёл с поклоном, Матронушка успокоила будущего генералиссимуса тем, что Богородица не допустит врага в столицу. Надо только икону Владимирской, которую писал евангелист Лука, трижды обнести вокруг Москвы, хоть на самолёте. Вдобавок к этому необходимо открыть все московские храмы, где священники должны читать неусыпную Псалтирь.² Требование было исполнено, что послужило помощью почти безоружным двадцати восьми Панфиловцам удержать танковую дивизию...

С чудесами мы сталкиваемся каждый день, только не желаем ничего видеть, мол, не может быть ничего такого, чего человек объяснить не в силах. И всё же доступ к энергии Космоса люди чувствуют. Особенно из мирских людей к этому расположены писатели, музыканты, поэты, художники. Просто потому, что с параллельным Зазеркальем у них более короткая связь, благодаря духовному таланту.

Почему это так – никто до сих пор ответить пока не мог, но эта книга, может быть, приоткроет завесу Истины, недоступной пониманию человека. Кстати, *курсивом здесь отпечатаны чудом уцелевшие цитаты из давно сгоревших романов.*

² Неусыпная Псалтирь – читается безостановочно. Чтецы должны быть рукоположены.

Глава 1

Тяжёлые, плотные, налившиеся маслянистой сажей августовские тени прыгали по стенам, пытаясь иногда подкрасться сзади и цапнуть за спину свежезаточенными лаковыми когтями. По телу пробегали суетливые мурашки, вспыхивающие мёртвым ледяным прикосновением. Жёсткий геометрический узор теней вместо того, чтобы скрыть, яснее выделял и очерчивал стоящую в комнате ширпотребовскую стенку из древесных опилок и стружек, да диван карельской берёзы, матовым проблеском разрывающий объятия теней.

Там, в дальнем углу, сиротливо прикорнул ещё телевизор, вроде бы японский, а, значит, с запредельными нерусскими наворотами, но он был повернут мордой в угол – общение с ним вносило дисгармонию в тихую жизнь дачи. Сам «японец» ни в чём не провинился, а вот его коллеги – ведущие телепрограмм – всласть набедокурили, так как весь свой талант отдавали на добровольное одурачивание телезрителей. Что поделаешь, так положено. А что, где положено? И кем? Неужели нашему правительству важна поголовная деградация населения? Неужели русскому – русскому? – правительству удобней царствовать в стране дураков?

Вполне возможно, что это именно так, потому что если голова «дурака» пухнет от новостей с чечено-грузинского фронта или сознание направлено на поиски международных террористов, а вдобавок к этому московские власти напустили в столицу столько чечено-азербайджанского вора, угодного достопочтенному мэру, то полу-умному остаётся только слушать приказы и выполнять кем-то принятые решения.

Возле пылающего камина стояли два разухабистых кресла. Несмотря на выпирающие от времени там и сям пружины, кресла умудрились остаться мягкими и уютными, за что при вселении в гостиную всенародно были объявлены каминными. В основном мебель на даче собралась покладистая. Проблему составлял только антикварный, весь в деревянных резных рюшечках, секретер.

Но с ним даже краеугольные тени не желали связываться, поскольку именно его деревянная утроба несъедая хранила рукопись недавно законченного романа, который несколько раз уже переписывался и однажды чуть не был сожжён... в пылу, так сказать. По счастью огню тогда пообедать не удалось, потому что всё обошлось без лишних жизненных выкрутасов. Рукопись по-прежнему дожидалась своего часа то ли сожжения, то ли издания в лакированном брюхе деревянного задаваки-секретера, который всем видом своим показывал, что без него тут не обошлось, и сгорела бы, может, не только рукопись, кабы не он.

Пожилая яблоня, давно уже переставшая плодоносить, скреблась в окно, словно просясь обогреться в этот неприкаянный, не по-летнему холодный вечер. И этот скрип когтями яблони по стеклу раздавался в темноте, как пророчества садового Екклесиаста, то есть проповедника. Казалось, дерево хочет привлечь к себе внимание хотя бы тем, чтобы оторвать хозяина дома от слишком опасной беседы с огнём.

Никита сидел у камина и отрешённо бросал в огонь исписанные листы. По одному. Он, словно выдавший виды классик, сжигал очередное только что законченное произведение, поскольку многие из классиков когда-нибудь обязательно сжигали свои опусы. Какой же он, Никита, писатель, ежели не предаст огню рукопись? И уж тем более никогда не станет классиком, ежели не сожжёт какую ни на есть писанину, которую должен подарить огню вместе со своей кровью. Собственно, огонь о всяческих сожжениях рукописей давно знал, не знал только сам писатель.

От сожжённой бумаги по всей даче гулял сиротский дух разбитых мечтаний, пережитых юношеских надежд и неудовлетворённого тщеславия, от которого почему-то несло осенней Ригой: где остывшие за лето печи сначала никак не могут напиться горделивой горячностью, и сеют вокруг горечь уходящего лета, а, может, и всей жизни.

Очередной листок с прыгающими по нему буквами, похожими на мелких чёрных блох, задержался в ладони Никиты. Другой рукой он машинально пригладил вечно растрёпанный хаер³ и поскрёб небольшую аккуратную бородку. Прошлое! Какое же оно всё-таки цепкое и не желающее освободить память от воспоминаний. Снова эти воспоминания заискрились в памяти, как вылезший из пепла Феникс. Всё же строки стоили того, чтобы их не приговаривать к сожжению, однако Никита уверенно бросил стихи вслед уже превратившимся в пепел.

Сегодня ночью плавился асфальт
и заливались в рощах соловьи.
И током в миллионы киловатт
пронзило воздух с неба до земли.
Я задрожал, как баба на сносях,
как путник, замерзающий в пургу.
А ночь к рассвету мчалась на рысях,
и как с любимым пряталась в стogu.
Кружа в спиралях наших мелодрам,
сорвав ромашку – быть или не быть? —
я за одну тебя, мой друг, отдам
всё то, что доводилось мне любить.
Сегодня ночью плавился асфальт,
и клещи фар крошили сноп теней.
А где-то в будущем неотвратимый альт
наигрывал мелодию огней.

Надо же! Это писалось когда-то совершенно искренне! А почему нет? Кому как не автору знать истинную цену тому, когда действительно готов отдать все существующие и не существующие сокровища за одну только улыбку на милом лице? Что значат все купленные за деньги ласки против одного нечаянного касания руки? Тем более, что в нежном возрасте человека много больше интересует именно улыбка милой, чем мешки с деньгами. Её сверкающие любовью и восхищением глаза, ни с чем несравнимое ощущение полёта, когда физически чувствуешь потоки воздуха, клубящиеся по соседству облака. И радость! Радость, которая тут же разливается тонкой плёнкой над поверхностью планеты, даря всему живому такую же неумиряющую силу жизни, любви и полёта.

Только тогда человек по-настоящему понимает, что жить всё-таки стоит! Это не просто интересно, а необходимо. Ведь именно тогда ты сможешь исполнить то, что умеешь, на что способен и для чего пришёл в этот колючий не всегда приветливый мир.

Причём, сами стихи тоже не могли прийти ниоткуда. Почему-то верилось в эти слова, как в аксиому, как в завтрашний день, как в будущую весну. Но что вся эта вера в дни, вёсны, в аксиомы, когда не только в стихах, но и в прозе сквозило неуловимое косноязычие, и не обозначилось ни крупницы любви, бушевавшей тогда в сердце поэта. Именно это чувство он испытывал когда начинал парить над землёй во сне, если это состояние можно назвать сном.

В полёте любовь и радость жизни никогда не покидали Никиту. А вот при перенесении на бумагу происходило какое-то неуловимое одурманивание, будто рядом с письменным столом примостился казённый чиновник и начинал запудривать мозги тем, что положено и положено, что выглядит нехорошо, некультурно и не надо такими мыслями делиться ни с кем – сам посуди, что люди подумают?!

³ Хаер (сленг) – причёска волос на голове.

Вот это неуловимое косноязычие завоёвывало душу по всем фронтам и не думало сдаваться. Вернее, очень даже уловимое! Ведь косность языка всегда проявляется там, где нет ни крупинцы чистой безраздельной любви, то есть, исчезает полёт, пропадает радость бытия и чувства. Поэт и писатель уже не чувствует, что может сделать что-то очень важное и нужное для окружающего мира. А без этого полёта всё написанное и даже изданное – просто ложь.

Если бы! Если бы переступить ту грань деланности, сковывающую слова, не дающую развернуться сюжету, превращающую в мёртворожденного любой персонаж, осмелившийся вылепиться из густых, похожих на жидкий пластилин чернил.

Иногда наступала эйфория: казалось, что слова выстраиваются в рисунок, известный только им одним, а писатель присутствует при этом, как сторонний наблюдатель. Всё происходило так плавно, так легко, будто слова ждали, чтобы Никита взял авторучку и принялся выстраивать их на бумаге, цепляя одно за другое, соединяя в гирлянды, в звенящие мониста, любясь и забавляясь сделанным.

Вдруг из этого фейерверка возникал вполне зримый человек, настоящий герой романа, который вначале неуверенно, но потом всё более азартно начинал помогать автору, подсказывая варианты, ситуации, даже линию сюжета. Он успевал подружиться со своим творцом, поскольку творил и сам. А когда наступало утро, Никита перечитывал ворох исписанных листов, и его недавний друг выползал оттуда на негнущихся ногах, опираясь на скрипучий костыль, глядел мутным, стеклянным глазом, будто спрашивая:

– Чё уставился? Всё путём. Лучше покемарь с устатку.

И это было просто невыносимо.

А стихи? У них ещё более одиозная биография. Они приходили, прилетали, – точнее, налетали, захватывали целиком, с потрохами и без. Голова кружилась, как осенний лист в октябрином танго, сознание поражали запахи ещё никогда ранее неизведанные, но всё это быстро исчезало, и если ничего не успел ухватить – никто в этом не виноват, твоя проблема. Никита начинал лихорадочно строчить, выписывался, выкладывался и... и падал, как выжатый лимон.

Ради кого? Ради чего? Кому это всё нужно? Талант, Божий Дар, Судьба, Творческий Путь – всё это бред авантажных дамочек, для которых собственные глаза превратить в квадратуру круга – составляет чуть ли не высший смысл Жизни! А заодно с таинственными глазами надо обязательно сообщить собеседнику страшным шёпотом о творческом успехе, который даётся... здесь желательно пальцем указать место, откуда приходит сила Творчества.

Никита, держа в руках очередной лист, покачал головой. Вот и это стихотворение писано... А не всё ли равно кому? Он давно уже хотел забыть девушку, вынырнувшую из под-сознания, навсегда расстаться с ней, даже прогнать назад в Зазеркалье. Но вдруг выныривало откуда-то посвящённое ей стихотворение или неизничтоженная фотография, или...

Писатель резко встал, подошёл к пузатому секретеру, вытащил из его вместительных глубин плюшевого зайца – самая любимая игрушка удивительной девушки, предмета первой любви, оставшейся в юношеском прошлом. Нет, она вовсе не покинула этот мир, покинутым остался только Никита.

И в память ему был оставлен игрушечный зайка.

Странно устроена именуемая «лучшей» половина человечества нашей планеты: девчонки играют в куклы до седых волос. Вот и эта игрушка – напоминание чего-то отжитого, нереального, несуществующего. Женщины всегда бывают больше опасны, чем полезны.

Давно надо было распрощаться с этим зайцем, пока жена не увидела. Зачем смущать и обижать человека, который тебя любит, который не заслужил обид? Ведь обидеть можно легко, но, сколько не склеивай разбитую чашку, она так и останется разбитой, сколько не связывай верёвочку, она так и останется с неприятным царапающим узелком. К тому же, уходя – уходи, потому что в одну реку дважды никто не входит.

Никита прислушался. Нет, всё тихо. Даже пара сосен у крыльца не скрипела, как обычно. Сосны проделывали это всякий раз, когда принимались размышлять про собственную жизнь. Хвойные весталки, вечно недовольные тем, что меж ними натянут гамак, жаловались на хозяев неизвестно кому, мечтая получить хотя бы деланное сочувствие. Радовались бы лучше, потому как, ежели не гамак, то прямым ходом в камин.

На участке были, конечно, и другие сосны, но те не лезли прямо к дому, а скромно кучковались поодаль. За ними, словно тать, притаившийся в кустах, гнездились дачи старых большевиков, которые следили за сосновой соседской порослью, дабы не опоздать на поживу, когда хозяин сосен задумает их порубать.

Собственно, большевиков-то никаких в дачах давно не было, но этот район в подмосковном Кратово до сих пор величают посёлком Старых большевиков. Очень живуча ностальгия по советской элите. Впрочем, Никита, как никто, имел отношение к настоящим старым большевикам. Что ни говори, а от прошлого не отказываются. Всё касалось опять же прошлого.

Одна бабушка у него была из уральских крестьян, то есть советской колхозницей, не выдавшей за всю свою полезную трудовую жизнь ничего, кроме родного колхоза, находящегося под старорусским городком Кунгуром, прославившимся на всю Россию своей огромной пещерой, не исследованной до конца, да ещё аномальным пятном похлеще Бермудского треугольника. Об этом вообще старались не говорить ни местные жители, ни приезжающие важные учёные. Но, как говорится, шила в мешке не утаишь.

А вторая бабуля... Со второй бабушкой выходило сложнее. Она была прямой дочерью столбового дворянина, полковника царской армии, перешедшего на сторону красных. Только зачем красным понадобился штабной офицер совсем не пролетарского происхождения? Мало ли что он воевал за красных, не лучше ли будет вообще от такого избавиться?

Есть человек, есть проблема, а нет человека, нет проблемы – так вслед за Лейбой Бронштейном принялись повторять все, кто хоть немного получал реальный доступ к власти. Этот аргумент перерос в аксиому. И бывшие «свои», переметнувшиеся на сторону красно-еврейского будущего, не щадили никого: зачем брать обузу в светлое социалистическое завтра и давать жизнь чужому, не желающему жить по-новому? Генерал Каледин также не щадил красно-еврейское быдло, а тем более офицеров царской армии, переметнувшихся на сторону большевиков. Русский офицер не понимал и не принимал флюгерную систему изменения взглядов, несмотря на то, что красные жидо-масоны обещали светлое коммунистическое будущее.

– Господин генерал! Господин генерал! Ваше превосходительство! – голос вестового у крыльца взбудоражил утреннюю тишину, мигом испарившуюся, словно песня жаворонка. На смену ей пришёл тревожный куриный переклик, залиvistый цепной лай и шумные крупноротатые вздохи придворной скотины. На крик из избы выскочил адъютант.

– Чего орешь, болван! Их сиятельство отдыхают.

– Дык красного взяли! С девчонкой! – не унимался вестовой. А конь, с которого он не думал спрыгивать, переступал с ноги на ногу, всхрапывал, косил красным глазом, даже пытался заржать, поддерживая рулады скотного двора.

– Какая девчонка? Ты что мелешь? – снова прикрикнул на вестового адъютант.

– Дык вона, ведут их! – снова гаркнул вестовой. – В расход не стали, дык офицер он боевой.

В конце улицы показались солдаты в коротких овчинных полушубках, из-под которых выглядывали синие суконные галифе с широкими красными лампасами. Казаки конвоировали высокого человека в длинной офицерской шинели без погон, на фуражке вместо кокарды темнело овальное пятно. Руки у него были связаны за спиной тонким сыромятным арканом, а

рядом семенила девочка в заячьей шубке и таком же меховом капоре, испуганно оглядываясь на солдат.

Процессию догнал верховой хорунжий в чёрной черкеске с газырями. Он по случаю резкого похолодания небывалого для этих мест даже в ноябре, закутан был в красный башлык, концы которого болтались, завязанные узлом за спиной. Спереди на седле он придерживал рукой вместительный саквояж, отобранный у пленников. Хорунжий обогнал процессию и подскочил к крыльцу.

– Доложи его превосходительству, – рявкнул он, обращаясь к адъютанту и спрыгнул с коня. Затем водрузил на ступени крыльца, больше похожего на веранду, привезённый баул, и снова вопросительно поглядел на адъютанта, наблюдающего за суетнёй с лёгким недоумением.

– Доложи: захвачен красный командир с дочерью.

– *Mes condoleances*,⁴ – наклонил адъютант красивую, чуть ли не под греческий эталон, голову, но не двинулся с места.

Новенькая шинель сидела на нём ладно. Адъютант Его Превосходительства не удосужился надеть головной убор, но безукоризненно ровный пробор в чёрных волосах вместе с пренебрежительной усмешкой явно свидетельствовали о мире и спокойствии: какие красные? какой переворот, господа? я только от Его Превосходительства, там ни о каком воображаемом противнике не слышали. Вот так-с. Общую картину облика портили разве что капризные, как бы не совсем мужские губы, уголки которых чувственно дрожали.

– Неужели вы считаете, что Его Превосходительство можно безнаказанно беспокоить по пустякам? – наконец удосужился узнать он.

– Это не пустяки, корнет, – отчеканил хорунжий, – в наши руки попал командир четвёртого кавалерийского корпуса красных. Или вы будете утверждать, что никогда не слышали о самом опасном корпусе противника? Сам корпус, а также его командир у Антонова-Овсёнка не на последнем счету. Красные для достижения победы ничем не гнушаются. Так что доложи немедленно и по полной форме, что от тебя требуется.

На этот раз адъютант ничего не сказал. Досадливо закусив губу, он отправился докладывать по инстанции. Но вскоре вернулся ещё более подтянутый и затянутый в портупею. Почти безразлично окинул взором присутствующих, потом сказал обыденно, просто, даже довольно буднично:

– Господин генерал сейчас будет.

Несколько минут ожидания тянулись довольно медленно. Хорунжий, уже успевший нацепить бурку, которую услужливо принёс один из казаков, ходил взад-вперёд возле крыльца на манер маятника, от нетерпения похлопывая согнутым концом нагайки по голенищам хромачей.

А казаки, в отсутствие высокого начальства, расположились поодаль, на брёвнышке, передавая друг другу кiset и переговариваясь вполголоса, изредка кивая на пленных.

Те стояли посреди двора спокойно, никак не высказывая своего отношения к окружающему. Девочка прижалась щекой к левой руке отца, да так и застыла. Иногда только пушистые ресницы взлетали вверх, испуганно вздрагивая. А влажный взгляд, как вспышка чёрной зарницы скользил по двору, где на слегка промёрзшей земле лежали ещё не убранные в сарай завезённые фуражирами мешки с картошкой, перловкой и обмолоченным овсом.

Казённая офицерская шинель пахла дымом, конским потом и ещё чем-то незнакомым, но девочке было спокойно: это запах отца. Даже сейчас, стоя подле него посреди двора под перекрёстными взглядами врагов, она не боялась. Отец сумеет с ними всеми справиться – ему всё удаётся. Он большой, сильный. Не может быть, что б не сумел. Так было всегда, так должно быть и сейчас, потому что другого решения просто быть не может.

⁴ Мои соболезнования (фр.).

Дверь пятистенки распахнулась, на крыльцо вышел грузный человек в серой шинели с генеральскими погонами, накинутой поверх мундира. Едва взглянув на пленных, он прошёл к стоящему тут же на веранде круглому столу и опустился в плетёное лыковое кресло. Ночью налетел первый настоящий заморозок, и сгустки инея ещё можно было разглядеть на теневой притолоке веранды, но ближе к полудню солнышко опять расстаралось, сияло совсем повесенному, отогревая землю, успевшую распрощаться с теплом чуть ли не навсегда.

– Чаю, Мишель, – приказал Его Превосходительство, адъютанту не оборачиваясь, – а то что-то заходило сегодня. Давай, что там у тебя? – и сделал отмашку рукой, сняв черную лайковую перчатку.

Тот скинул старый сапог с самовара, который служил адъютанту кузнечным мехом для раздувания углей, налил чаю в глубокую кобальтовую чашку с золотым вензелястым узором, подал начальству.

– Тут хорунжий Збруев умудрился где-то полонить красного командира, – вполголоса пояснил адъютант. – Не одного, с девочкой, которая, судя по одежде, далеко не из пролетарской семьи.

Генерал, отхлёбывая чай, присматривался к пленным.

– Ба! Никак господин Полунин?! Собственной персоной! – поставил он на стол недопитую чашку. Потом резко встал, но тут же снова, кряхтя, опустился в кресло, вынул большой синий клетчатый платок, вытер мигом вспотевший, несмотря на холод, затылок.

– Дела-а-а...

– Так точно, вашско-ородье! – вытянулся перед крыльцом хорунжий. – Я его тоже узнал, Иуду.

Хорунжий с ненавистью посмотрел на пленника.

Тот всё так же спокойно стоял посреди двора, не обращая внимания на сцену «узнавания». О его волнении можно было судить лишь по заходившим желвакам на скулах. Но арестованный выдержал упорный взгляд бывших товарищей по оружию. Шутка сказать, многие годы они служили в одном полку и расстались лишь, когда Полунина откомандировали в ставку государя Российской Державы.

– Хорунжий! Какого чёрта! – голос генерала вдруг стал жёстким. – Тьфу ты... – он посмотрел на вытянувшегося в струнку казака. – Ладно, давайте его сюда. И руки развяжите, право слово!

Збруев подскочил к пленнику, одним махом кинжала разрезал путы на руках, подтолкнул арестованного рукояткой нагайки в спину и пленный сделал несколько шагов к крыльцу, растирая на ходу запястья.

– Мишель, что стоите, уберите девочку, – сделал рукой жест генерал. – Дети никогда не должны отвечать за грехи родителей. Тем более, войну эту не мы затевали. В который раз Россию поганят ублюдки! И этот изувер тоже к ним примазался! Во истину, ничего святого в стране не осталось!

Адъютант махнул казакам. Двое подбежали к девочке и стали отдирать её от офицера. Та, молча, сопротивлялась, вцепившись в рукав отца мёртвой хваткой.

– Отпусти, Кэти, отпусти, – тихо выдохнул он, – иди, тебе не сделают ничего плохого.

Она послушалась, отпустила рукав, но из глаз её на подмороженный песок упали две прозрачные капли, ничуть не похожие на слёзы, поскольку были они крупные, как предвестники тёплого тропического ливня.

Но с тропическими ливнями приходилось подождать, если не вовсе забыть. Два года уже как Полунин обещался показать дочери сказочную страну Японию, да всё служба, служба. А сейчас, вовсе не до отдыха, когда Родину раздирают на части, когда приходится браться за оружие. Арестант встряхнул головой, будто избавляясь от воспоминаний.

Девочку увели и заперли в сарай на скотном дворе, а пленный красно-белый офицер, всё так же подталкиваемый в спину тупым концом збруевской нагайки, поднялся на крыльцо. Он стоял перед генералом, внимательно разглядывающим его, не отводя глаз. Собственно, смотрел он не на генерала, а сквозь него, в какое-то своё, неведомое, куда нет ни дорог, ни тропинок, но где живёт, присутствует то светлое будущее, которому он вымечтал посвятить всё своё воинское умение, за которое и жизни не жалко.

– Господин Полунин? – спросил генерал, словно всё ещё сомневаясь: не обман ли зрения?

– Да, вы не ошиблись, Алексей Максимович, – отозвался тот. – Бывший полковник царской армии Преображенского полка.

Генерал помолчал немного, пожевал губами, будто разгрызая ещё не произнесённое слово, потом снова остро посмотрел в лицо пленнику:

– Вы меня помните?

– Кому ж не известен автор Знаменательной казачьей Декларации, ваша честь? – вопросом на вопрос ответил арестованный. – Да и вы меня, смею надеяться, припомнили. Нам не раз приходилось сталкиваться в ставке Главнокомандующего. Ведь так?

На это генерал ничего не ответил, лишь склонил голову, как бы задумавшись о том, какие фортели выкидывает судьба.

– Как вы могли?! – генерал снова в упор посмотрел на пленника. – Столбовой дворянин, отличный штабист, сам государь был о вас высокого мнения и – к красным, к бунтовщикам, к нигилистам? К полупьяным подзаборным люмпен-пролетариям? Ведь насколько надо не любить свою Родину, чтобы отдать её на растерзание жидам и лавочникам? Да вы в своём ли уме, милейший?

Полунин пожал плечами. Потом раздумчиво, как бы сам с собой, проговорил:

– Россия, моя бедная Россия! Она столько раз выставлялась на аукцион перед иностранным капиталом, столько раз её, как породистого ахалтекинца, хлопали по крупу, слюняво причмокивая, столько раз заглядывали в зубы, мол, хорош ли русский мерин, что мне, право, стало досадным: почему одно из богатейших в мире государств не имеет хозяина? Почему большинство правительственных чиновников, если не весь государственный аппарат, смотрят на Россию только как на сырьевую базу для развития Европы и какой-то там занюханной Америки? Ведь на корню продавали, на корню! Единственный из немногих, кто радел о могуществе России – Петр Аркадьевич Столыпин. Но и того убили! А вот увидите: ваша любезная Европа или Америка вскоре использует систему хуторского хозяйства и в короткое время станет богатейшей из богатейших.

– Вы забываетесь, господин Полунин, – глаза у генерала сузились. – Столыпин был убит нигилистом, примерно так же, как эсер Блюмкин застрелил Мирбаха.

– Ошибаетесь, Алексей Максимович, – возразил пленный. – Это прекрасно организованное провокационное убийство, как, скажем, убийство упомянутого вами Мирбаха. Западу и масонам не нужна сильная Россия. Гражданская война и такие как вы им на руку. Предатель Алексеев, арестовавший и сдавший государя в ваши руки, по моим данным, находится сейчас у вас в ставке, в Новочеркасске. Там же и господин Милуков, и Родзянко. Я не ошибся?

Генерал вспомнил, как в Новочеркасске, на соборной площади, у памятника Ермаку Тимофеевичу было устроено торжественное чествование означенным персонам атаманами Войска Донского. Тогда собрались казаки со всего Дона, Терека, Кубани. Были боевые офицеры, прошедшие закалку на полях Первой Мировой – прямо скажем, цвет русской армии. Все искренне любящие Родину. О каком же предательстве толкует господин Полунин?

Скорее, кучка непохмелённых люмпенов согласились за стакан устроить для жидов ещё один весёлый праздник Пурим,⁵ где главный приз – страна непуганых идиотов. Но никогда ни

⁵ Еврейский праздник Пурим – нынешнее 8-е марта, советско-еврейский международный день.

один настоящий русский не примет такую власть. И что же? Перед ним офицер ставки, имевший когда-то полковничий чин, человек не трусливого десятка! И этот бывший боевой офицер ныне утверждал, что только большевики – истинное будущее России, только под жидовские марши страна придёт к светлому будущему! Весь вопрос – какому светлому? И на сколько этот свет поможет жизненному развитию России.

– Смею заметить, что полупьяные, как вы только что отметили, лавочники и пролетарии выиграют у вас войну, – веско заметил Полунин. – Не знаю, легко ли, но выиграют. Да-да, у регулярной армии, прошедшей закалку на полях Первой Мировой. Хотите знать, в чём секрет? А никакого секрета здесь нет. Предателей наказывает Сам Господь. Кстати, вы веруете? Если да, то вам не мешало бы исповедоваться.⁶ Поверьте, нам всем уже не долго осталось.

Полковник на мгновение замолчал, оглянулся на седое клочковатое небо в рыжих подпалинах. Такое бывает только зимой в донских степях. Потом снова обернулся к генералу:

– А в ставке государя беспечно мог себя чувствовать только какой-нибудь интриган-заговорщик. Вам не хуже меня известно, что учинил с государём генерал Алексеев со своими офицерами. Предательство! Что вследствие всего этого ждало Россию? Английское владычество? Или же колониальное подчинение объединённой Антанте? Причём, вы бы первый развели руками, мол, *les caprices de la fortune*!⁷ Нет, ваше превосходительство, фортуна здесь не причём. Это прямое предательство Родины и русского народа. Измена клятве, данной государю. Что же касается большевиков, то за ними будущее. Они сыновья этой несчастной страны, хоть многие из них действительно инородцы. Они сделают всё, чтобы Россия стала богатой, могущественной, чтобы её боялись ваши голубезные англичане, французы и иже с ними.

Во время тирады лицо Его Превосходительства меняло окраску от белого с чуть заметной желтизной до малинового, как грозовой августовский закат, глаза сверкали, но голос остался, на удивление спокоен.

– Вы, милостивый государь, забыли присягу, долг, честь, – слова Каледина как оплеухи попадали в лицо пленному. – Вы преступили обет не только перед государём, но даже пред Богом! Вы и ваша рвань убиваете ни в чём неповинных стариков, женщин, детей, и оправдываете это борьбой за светлое будущее, где все осчастливятся голодом и будут вынуждены нищенствовать? Мне кажется, что такое счастье отпечатается отчётливым кровавым оттенком. Вас не смущает возведение храма на крови своих соотечественников?

– Собственно, так же как и вас, Ваше Превосходительство, – пожал плечами Полунин. – Нам обоим доподлинно известно, что об одном и том же событии одни говорят: бес попутал! Другие: Бог благословил! Насколько вы считаете меня предателем, настолько же я отношу вас к данной пресловутой категории. Будущее покажет кто из нас прав.

Но смею повторить, что за надругательство над Помазанником Божиим всё ваше белое «освободительное» движение очень скоро поплатится. У вас даже Родины не будет. А я верю в Россию, служу ей. Вы же с вашим консерватизмом просто заблуждаетесь. Заблуждаетесь, и готовы поставить к стенке каждого, кто с вами не согласен. А на чём основана эта правота? На убеждениях упряма? Так здесь вы недалеко ушли от того русского мужика, против которого подняли оружие. «Мужик, что бык: втемяшится ему какая блажь...».

– Хватит!.. – взорвался, наконец, Каледин. Его ладонь с такой силой опустилась на стол, что подпрыгнула и опрокинулась чашка с недопитым чаем, а из хрустального вазона на пол веранды посыпались сухарики с маком. С навеса над крылечком беззаботный ветерок сдул клоч свежих не слипшихся ещё снежинок, а жующий, томно вздыхающий, кудахтающий скотный двор вдруг затих, как бы боясь пропустить самое главное.

⁶ Каледин А. М. застрелился 29 января (11 февраля) 1918 г.

⁷ Прихоти фортуны (фр.).

Мишель, стоявший за спиной его превосходительства, при крике генерала даже дёрнулся от неожиданности, а хорунжий непроизвольно ухватился за темляк пашки.

Каледин стоял на ногах и тяжело смотрел на пленника. Его глаза потемнели, стали похожи на два расстрельных ствола.

– Вы изменили присяге, вы пошли против государства и государственности, прикрывая прекрасными словами о счастливом будущем самое банальное предательство, – каждое слово генерала звучало как неотвратимый ружейный залп. – Неужели вы рассчитываете на то, что ваши нынешние хозяева вас помилуют? Оставят в своём «светлом будущем», которое вы им преподнесёте на блюдечке? Вы согласились на роль безответственной рабочей скотинки, добывающей хозяевам нужное, которую потом за ненадобностью непременно отправляют на бойню. Но я избавлю ваших доблестных хозяев от лишнего труда. Я не Господь Бог и предательства никогда не прощаю.

Он сделал движение рукой, смысл которого понять можно было только однозначно.

Над двором давно уже повисла пещерная тишина. Даже со скотного двора не доносились обычных вздохов и возни крупнорогатых, суеты и кудахтанья кур. Казалось, сама природа прислушивается к негромкому голосу боевого генерала, не бравшего пленных, не прощавшего ошибок ни себе, ни тем более другим.

– В расход... – это слово было произнесено с видимым спокойствием, но с чётким выговором согласных, каждая из которых прогремела как выстрел.

Пленник кивнул, как будто только этого добивался от противника.

– Одна просьба, ваше высокоблагородие...

Поскольку генерал молчал, всё так же неподвижно глядя перед собой, как будто застыл под тяжестью отданного им же приказа, пленник продолжил:

– Со мною дочь. Я хотел отвезти её к сестре в Батайск, да не учёл, что территория под вашим контролем, вот и не доехали. Отвезите девочку туда. Ребёнок не виноват в наших разногласиях, в этом мы одного мнения. Честь имею.

Он щёлкнул каблуками, поклонился и неспешно спустился с крыльца, кивнув хорунжему: веди, мол. Тот сделал знак казакам, и они подбежали с винтовками наизготовку. Скрип песка с гравием под сапогами разносился в морозном воздухе особенно явственно, а на старой липе за скотным двором обрадовано запел ворон. Вот уж воистину собачий нюх у этих траурных птиц.

Дверь сарая натужно захряхтела, в образовавшейся щели возникла голова Мишеля. Он настороженно осмотрел сарай, как будто в запертом помещении могла находиться какая-то досадная неурядица. Кэти сидела на колоде для рубки дров, подперев головку маленькими кулачками. Глаза настороженно и недоверчиво следили за адъютантом.

Но в следующее мгновение вся настороженность исчезла, испарилась, растаяла. Да и могло ли быть иначе: у Мишеля в руках покоилась большая кукла. Волосы у неё были забраны в мелкую золотую сеточку, которая вполне могла сойти за головной убор царицы Савской. Обмётка белого атласного платья, с пущенными вдоль подола вензелями из толстых парчовых ниток, также была золотой, а по кружевным прорезам рукавов сверкали драгоценные камушки.

Кэти заворожено смотрела на куклу. В это чудо невозможно, казалось, поверить, но кукла не исчезала. Напротив, Мишель с картинно беспечным видом подошёл к девочке и протянул ей игрушку.

– Это вам, мадемуазель.

– Мне? – Кэти всё ещё боялась поверить своему счастью.

– Да-да, берите, – он вручил девочке куклу и та осторожно, как хрупкий цветок, приняла её на руки, тут же поправляя оборки роскошного платья и золотую сеточку на волосах.

– Это мне? – снова пролепетала Кэти, как бы ещё не веря в реальность игрушки.

– Да, конечно. Но у меня к вам небольшая просьба. Надеюсь, вы не откажетесь проехаться со мною к вашей тёте в Батайск? Здесь недалеко.

– А где рарап?⁸ – глаза девочки тревожно блеснули.

– Ему необходимо задержаться, – Мишель попытался снова изобразить беспечность и повертел в воздухе рукой, затянутой в тонкую чёрную перчатку. – Но ваш рарап задержится здесь ненадолго. Он непременно нас нагонит, вы даже не успеете по нему соскучиться.

Кэти недоверчиво посмотрела в глаза корнету.

И тут морозную тишину, повисшую стеклянным занавесом над станицей, раздробил нестройный винтовочный залп. Мишель оглянулся на дверь, передёрнул плечами. А когда снова посмотрел на свою юную собеседницу, ещё раз зябко передёрнул плечами. И было отчего: девочка, крохотная хрупкая девочка исчезла. Перед ним стояла маленькая старушка. Вмиг посеревшее, покрывшееся скорбными морщинками личико, ничуть не походило на детское.

– Папочка... – всхлипнула она.

Мишель подыскивал слова, чтобы успокоить девочку, разуверить, обмануть, но она вдруг с размаху бросила красавицу куклу на пол и иступленно принялась топтать её.

– Папочка! Папочка! – истерически вскрикнула она. – Я тоже стану настоящим большим! Я обязательно отомщу за тебя!..

«Струились лучистые дали, окурки и кровь на полу, ногами топтала я куклу, что дал мне Каледин в тылу...», – вспомнил Никита бабушкино стихотворение.

Плюшевый зайка в его руках смотрел жалобно, как бы говоря:

– Почему мы, игрушки, чаще всего страдаем от ваших взрослых игр? В чём мы виноваты?

Все пять лет супружества, Никита прятал на даче игрушечного зайца и фотографии, с которыми расстаться, почему-то было жаль, а Ляльке показывать не хотелось. Здесь же, в секрете, обретались стихи, писанные тоже давно, тоже не жене. Да и заяц серенький... Если б его увидела Лялька, то наверняка обиделась бы, ведь женщина, особенно русская, всегда болеет единоличностью.

Заяц плюхнулся на поленья, его серая плюшевая шерстка сначала подёрнулась дымком, потом по ней пробежал лёгкий, едва заметный огонёк. Заяц жалобно пискнул, правая лапка игрушки откинулась в сторону, будто посылая воздушный поцелуй своему инквизитору. От неё. Прощальный. А была ли любовь, если обыкновенный плюшевый заяц превратился в фетиш?

Сверху на сгорающего в любовном онгоновом⁹ огне зайца легли стихи, фотографии. И ещё стихи. И ещё. Чёрная пенка сгоревшей бумаги покрывала поленья, словно траурная кайма вокруг живого портрета огня. Сжигать себя – дело, оказывается, совсем не простое. Пусть стихи, написанные когда-то другой девушке, не имели никакого отношения к сегодняшней жизни, только это была неотделимая часть человеческой души. Так стоило ли сжигать память, уничтожать прошлое, из которого вылепилось существующее сегодня?

– Лавры Гоголя спать не дают? – тихий голос, похожий на лепет ветерка в листве осины, вернул его к камину, к холодному летнему вечеру.

Никита скосил глаза. Рядом в другом каминном кресле уютно устроилась Лялька.

Вот так всегда! Она умела приходить незаметно, напоминать о себе в самые нежелательные минуты. Все годы их семейной жизни протекали вроде бы ровно и гладко, по авторитетному заявлению тёщи, женщины своенравной и своевольной до боли в печёнке. Впрочем, других тещ в природе ещё не замечали, поэтому они и зовутся любимыми.

⁸ рарап (фр.) – отец

⁹ Огонь онгона – адское пламя, зачастую сжигающее человека изнутри.

И всё же бывали такие вот минуты, когда жизненно необходимо было остаться один на один с одиночеством. Говорят, что одиночество – хорошая вещь, только в то же время как воздух необходим человек, которому можно сообщить по секрету, что одиночество – хорошая вещь! Таким незаменимым человеком постоянно прикидывалась Лялька, – подкрадываясь, возникала, материализовалась, вытаскивала мужа из всех тяжких настроенческих пропадений и пропаданий.

Интересно, заметила ли она зайца, вот в чем вопрос? Может он успел сгореть до?.. Объясняться не хотелось, тем более врать.

Никита ничего не ответил, лишь нахохлился и ещё больше стал похож на сердитого ёжика, фырчащего под осенними листьями.

– Зря ты это затеял, – опять подала голос Лялька. – Знаешь, из твоего романа можно было сделать очень даже не плохую повестушку. Я тебе и раньше говорила, помнишь?

Это была правда. При чтении отдельных глав его жена становилась самым незаменимым, самым беспощадным редактором: сначала слушала внимательно, затем отбирала рукопись, вычитывала, чуть ли не каждое слово, набрасывалась на рукопись с карандашом, отставляя и утверждая свою правку.

Надо сказать, такое редакторское вмешательство было довольно плодотворным, даже стало незаменимым для Никиты. Но сейчас важно другое: Лялька не заметила казнь зайца! А сгоревшие стихи посчитала сгоревшей рукописью законченного романа.

Верно, потому, что один раз Никита уже порывался на грязное дело сжигания ещё недописанной рукописи. Тем лучше. Пусть пока думает, дескать, опус сгорел и всё тут. Тем более, чтобы походить на Гоголя, для начала необходимо научиться сжигать!

– Послушай, Елена, – полным именем он называл жену только при серьёзном разговоре, ну, разве что на людях иногда. – Послушай, покойный Николай Васильевич тут ни при чём. Да и не только у него одного литературная жизнь состоит из сожжённых рукописей.

– Разве? – съехидничала Лялька.

– Дело в том, – назидательным и противным скрипучим голосом принялся объяснять Никита. – Дело в том, таких вот постмодернистских публицистических романов, как мой, написано столько, что их критическая масса скоро взорвёт самоё себя. Я опух от этого! Цитаты, цитаты, цитаты. Коды, перекоды, словари перекодов. Комментарии к словарям. Комментарии к комментариям. Пропала собака! Маленькая! Беленькая! Пушистенькая! Вернись поскорее, мой маленький друг! Всё! Не хочу! Надоело!

– Да что с тобой сегодня? – Лялька скользнула к нему в кресло, пощупала лоб. – Перегрелся у камина, бедненький? Или действительно Гоголя вспомнил? И коды какие-то. Ты ещё Дэна Брауна с «Кодом Да Винчи» вспомни. Берёшь пример неизвестно с какого неруса, вот и получается американское неизвестно что. Русская литература живёт только в России, а не в Соединённых Штатах.

– Елена! Как ты не поймёшь? – попытался объяснить жене Никита. – Перемалывание чужих текстов, чужих рукописей! Это вовсе не разгадывание кодов, не плагиат американского разгадывания загадок, где ключ в ключе и ключом погоняет! Я последнее время чувствую себя не археологом. Отнюдь нет! Я чувствую себя грабителем могил. Несуществующих могил. Этаким новым русским некрофилом! Только трупный яд всё равно проникает в кровь, в мозг, в сознание. Превращает меня из человеческой личности в личину! Ни у одного из моих героев нет любви не только к ближнему, но и к самому себе. Они же живые мертвецы! Да живые ли? Они не могут сказать ничего нового, а довольствуются лишь обыденными заезженными сентенциями, обтрёпанными шаблонами, только результат в любом случае плачевный. Такая книга никому не принесла бы радости. Просто досужая игра слов. Слово от слова, для слова, но не для человека, не для Любви. Кому это нужно?! Потрёпанное умирающее или неживое словоблудие?!

– А у Иоанна Богослова сказано, между прочим, что вначале было Слово и Слово было у Бога..., – вставила жена.

– Но Слово было Бог, – перебил Никита. – Слово должно быть Богом и по энергетике, и по смыслу, и по содержанию!

– Кто ж тебе мешает научить своих героев любить ближнего? – хмыкнула Лялька. – Любить не потасканными словами, а как Господь заповедовал? И общаться не книжным языком, как положено, а делиться с читателем догнавшими голову мыслями с уверенностью, что тебя обязательно поймут?

– Именно этого я и хочу! – Никита рубанул воздух ладонью. – Надо суметь донести людям не только свои соображения, а Божественную мудрость, огонь Высшей Любви...

– Такая книга уже давно написана, Патетей ты мой Прометический, – не унималась жена, – это Библия. Но поскольку создавать маленькую Библию, когда есть большая, глупо, то сжигать, по меньшей мере, любопытное произведение – это тоже не от духовной мудрости, а очень даже наоборот.

– Блаженны нищие духом, яко тех есть Царствие Небесное, – грустно улыбнулся Никита.

– Ну, как знаешь, – Лялька легко встала с кресла и отправилась к себе, на второй этаж.

Только странное дело: сюда Лялька пробралась тише тишины, незаметней тени, а назад... Деревянная лестница под её ногами стонала на все лады, даже пару раз пискнула совсем как сгоревший плюшевый заяц. Тяжёлые шаги никак не походили на привычную лёгкую поступь жены. Скорее всего, можно было подумать, что Костяная Нога, укутавшись в длиннополую ягу,¹⁰ подымается в свой девический терем.

Никита опять устался в камин, пошевелил кочергой уголья. Те отозвались весёлым треском, рапортуя, что не было ни стихов, ни первых поцелуев, ни бессонных ночей, ни ощущения вселенского счастья, когда можно с ума сойти от одного взгляда, от мимолётной улыбки... да и зайца тоже не было.

Что было? Что будет? Чем сердце успокоится? Романом. Или в романе. Но ведь он тоже сторел?! Никита даже оглянулся на секретер. Кажется, всё в порядке. Деревянный толстяк всем своим видом показывал, мол, не извольте сомневаться, молодой хозяин. А, может, сжечь его всё-таки и дело с концом? Нет. Это будет самая большая глупость в жизни. Надо закончить работу, всенепременнейше с блестящим результатом. Это будет его победа, его гордость!

– Гордыня-матушка вперёд тебя родилась..., – то ли ветка яблоневого нахально скрипнула по мокрому окну, то ли отголосок дыма аукнул в трубе и вылетел прочь.

На всякий случай Никита оглянулся. Никого. Показалось. А если нет? Есть ведь такая поговорка.

Откуда-то из детства вынырнула картинка: тёмный вечер у камелька в деревенской избе, бабушка учит Никитку читать по житийной книге библейского Моисея. Бабушка говорит, что он великий, что народ свой из Египта вывел и сорок лет по пустыне водил.

– Сорок лет! Да ведь всю жизнь, поди, – всё ходили, ходили? – искренне удивился мальчик. – Бабушка, а тебе когда сорок лет будет?

– Ну, что ты, Никитушка, мне уже два сорока, – улыбнулась старушка. – Только и это не так уж много.

– А что же Моисей за сорок лет никуда дойти не мог? – не унимался Никитка. – Ну, слабак!

– Не говори так! Нельзя! – бабушка даже перекрестилась, опасливо глядя в Красный угол, где красовались старинные образа в серебрянных блестящих окладах. – Моисей народ свой в землю обетованную привёл. Не всем дано, ему только.

¹⁰ Яга (ст. рус.) – овечий тулуп мехом наружу.

– Да я бы за год управился! – задорно заявил мальчик. – Не такая уж там страна большая, чтобы где-то ходить сорок лет! Россия много больше Израиля, да и то не надо сорока лет, чтобы из конца в конец пешком дойти. Я бы запросто из конца в конец дошёл!

– Ой, внучек, гордыня-матушка...

Уголья всё ещё перебрасывались призрачными язычками пламени, поджидая новую жертву, новые стихи. Или роман. Сожжённый? Никита всё же заставил себя снова встать, подойти к секретеру. Ключик от внутреннего ящика был у Никиты всегда с собой, но почему-то не хотел открыть в этот раз или же потаённый ящик сам не желал открываться.

Никита с нетерпением дёрнул за ключ, готовый уже пойти и взять в помощь какую-нибудь стамеску, если не топор. Но тут замочек почти послушно щёлкнул и открылся, обнажая полость заднего ящика. Темень вывалилась оттуда, как пьяный матрос с клотика.

Ладонь, машинально нырнувшая внутрь ящика, наткнулась на труху. Запахло палёным. Никита вытащил руку: в горсти была зажата жмень пепла. Рукопись! Лялька?! Нет, что-то не то. У неё нет ключей от секретера и про рукопись только что не говорила бы, если б сожгла. Тогда как? Почему?

– Кто сказал, что рукописи не горят? – отчётливо прозвучал в темноте чей-то скрипучий голос.

– Что это?! Кто это?! Что за чертовщина? Господи, помилуй! – Никита даже перекрестился, как это всегда делала бабушка, но голос из Зазеркалья больше не раздавался. Ночь тянула свою неспешную тоскливую лямку.

– Удельная, – картаво захрипел динамик в вагоне электрички. – Следующая станция – Выхино.

Когда-то она была «Ждановской». Некоторые местные до сих пор не отвыкли от старого названия. Особенно после убийства на «Ждановской», когда менты замочили подвыпившего гэбэшника. Какой-то шустрый режиссёр под шумок фильм одноимённый протолкнул. А сейчас, много ли изменилось? Только вывески, только реклама: на улицах, на станциях, на Кремле. Что может измениться в государстве, где ворьё хозяйничает? Рыба всегда с головы гниёт – недаром испокон веков эта пословица по Руси ходит. Никите вспомнилось, как он откликнулся на праздник шестидесятилетия Победы в Великой Отечественной войне:

Опять холодная война!
Ей никогда не стать горячей,
страна в болото сметена,
и подготовлена для сдачи.
Но ни снарядов, ни фронтов
мы в этот раз не испытали.
Под равнодушие ментов
Россию Западу продали.
За что же дед мой воевал?!
За что отец ходил в атаку?!
Никто из предков не жевал
американских булок с маком.
Они вставали за страну!
Они сражались за Рассею!..
Американских денег кнут
всё наше мужество развеял.
Жидо-масонское ворьё

ликует нынче в Москвабаде.
Мы превращаемся в гнильё...
Спаси нас, Боже, Христа ради...

Вспомнилось. Никита не то, чтобы цитировал исключительно себя, но нынешнее его состояние оставляло желать лучшего: ни с того, ни с сего удрал с дачи в Москву среди ночи, не говоря Ляльке ни слова про обнаруженную сгоревшую рукопись. А ведь понимал – волноваться будет, на то она и жена. Но всякие воспоминания и откуда-то выползшая жалость к себе-любимому перевесила. Глупо? Да, конечно. Но возвращаться сейчас – ещё глупее. Надо побыть одному, в конце концов, просто пошляться по городу, сходить в народ, на людей посмотреть – себя показать.

В непроходимой чаще буден
крепчают наши голоса.
Поэты шли когда-то «в люди»,
теперь – в дремучие леса.

Опять процитировав себе – себя, Никита вдруг успокоился, как пообедавший удав. Решил: если понесло в город, значит, там ждёт что-то такое, что изменит жизнь или даже мировоззрение. Хорошо, посмотрим, что день грядущий нам готовит.

Глава 2

Город встретил его своей всегдашней суетой, бегом, зачумлёнными лицами приезжих, проклинающих Москву, но зачем-то снова и снова приезжающих потусоваться на московских рынках. Москва, вообще-то, всегда была уникальным городом, только в последнее время, когда жирный московский мэр принялся продавать квартиры бравым азербайджанцам, чеченцам и дагестанцам, неповторимость города испарилась как дым, как утренний туман. Многоэтажные проамериканские билдинги подвели последнюю роковую черту в судьбе города. Американизированная Москва теперь уже не имела права считаться уникальным памятником прошлого.

Да и настоящих москвичей становилось всё меньше и меньше. Стариков, воевавших за Отчизну, всеми правдами и неправдами городские власти стали выселять за сто первый километр или сдавать на пожизненное заключение в Столбы – так называется психиатрическая лечебница. Молодое же население, не желающее, чтобы их родной город получил прозвище Москвабада, ответственные лица вместе с такими же исполнительными органами принялись под разными предлогами «гнобить» и «прессовать». Естественно, что после физической обработки мало кто из попавших в лапы ответственных органов мог вообще жить или существовать.

Тем не менее, москвичи не унывали. Барды даже песню про мэра распевали на своих выступлениях:

«Уважаемый Лужков-задэ,
На тебе кепк, носи вездэ.
Мы тебе будем уважать,
Мы твой пчёл, ты наша мать».

Потом этого мэра всё же сместили с насиженного кресла. Новый, вроде бы, задумал провести судебное следствие по нехорошим делишкам своего предшественника, но это были только слухи. Слухами они и остались.

Вот поэтому большинство свободного времени Никита с Лялькой проводили в загородном доме, где московская суета и неразрешимые проблемы уходили на задний план. Во всяком случае, когда позволяло время, они без разговору уезжали в Кратово и тамошний сохранившийся сосняк возвращал им интерес к жизни.

Сейчас Никита решил побродить по Арбату, благо и Старый Арбат, и многочисленные дворики ещё сохраняли ауру старой Москвы. Правда, и здесь уже успели постараться современные ноу-хау-вориши, но район не сдавался. К тому же, на улице до сих пор продолжали продавать картины художники, выступать всевозможные артисты и пели цыгане. В общем, кусочек огромной столицы жил и дарил жизнь окружающему миру. Никита же, как настоящий художник слова, попытался внести свой эскиз в жизнь Арбата:

По Арбату чудные лица,
зачастую забыв побриться,
выползают повеселиться
или просто срубить монету.
Нету здесь ни князей, ни нищих,
только каждый чего-то ищет
и оборвышей бродят тыщи —
все художники и поэты.
Лето жалует одержимых
беспокойных рабов режима

и повсюду по щёкам – жимолость,
а в улыбках – цветы жасмина.
Гласность, вроде бы, не нарушена,
отчуждения стена разрушена,
и открыт уже домик Пушкина.
Кто теперь у его камина
выжимает пыл вдохновения,
вычисляет путь накопления
или ищет минут забвения,
укрываясь от лап инфляции?
Кто продолжит Арбата хронику:
любера? проститутки? гомики?
или сказок волшебных гномики?
Ладно. Требуйте сатисфакции
за сближение несближимого,
разрушение нерушимого.
Я с улыбкою одержимого
говорю:
– Господа, к барьеру!..

Эти стихи Никита написал уже давно, в то время, когда Старый Арбат только-только сделали пешеходной улицей. Шутка ли, впервые в России какая-то улица стала недоступной для проезда железных коней любой масти. Шоферюги, конечно, добывали для беззаконного проезда левые липовые бумажки и пропуска, но москвичам нравилось иметь свою пешеходную, вовсе неавтомобильную улицу и бродить по ней бесцельно, слушая выступающих здесь скоморохов и прочих уличных «народных» профессиональных артистов. Иногда забредали сюда даже вездесущие кришнаиты. Недаром песня «Хари Кришна, хари Рама, я за что люблю Ивана?..» стала общеарбатским достоянием республики. И как-то раз даже сам господин-товарищ бывший Президент Перепутин снизошёл до посещения здешних кривых улочек.

Кучка зевак на Старом Арбате, возле театра Вахтангова, как всегда благоговейно внимала самостийным арбатским поэтам, перемежающим чтение стихов подгитарными песнями и даже анекдотами. Вероятно, что б не так тоскливо было слушать витиеватые поэтические изыски. А когда один из этих забавников начал обходить собравшихся с шапкой, дабы изъять какую ни есть дань, толпа заметно убавилась. Но всё же, в шапку сыпались железные и бумажные жизненно необходимые дензнаки. Значит, кому-то из праздно шатающейся публики всё же нравились живописные самостийные чтения, не говоря уже о необыкновенных бардовских песнях, которые вперемежку с проходным тюремным «блатняком» принялись с недавнего времени величаво именовать «русским шансоном».

Подобные выступления стали когда-то расползаться по миру с лёгкой руки Эдит Пиаф. Только наши московские уличные театралы решили даже в этом перещеголять Францию. А что, ведь театральное действие всегда должно нравиться почтеннейшей публике, иначе, зачем весь этот анекдот?! И анекдоты сыпались в честной народ даже в стихотворной форме с забываемыми полутеатральными телодвижениями.

Естественно, что Россия будет, есть и была во все века самой читающей страной, но такие вот доходные представления не очень часто устраивались в России. Хотя нет, на ярмарках были всякие балаганы, и скоморохи усердно потешали публику. Только со времён поработившего страну патриарха Никона, который приказывал принародно казнить скоморохов, театральные действия захирели на Руси. И только после создания первого в стране государственного театра в городе Ярославле, никто не воспринимал в штыки уличных театралов. Улица бесплатно дала

место для выступления артистам, а народу возможность оттянуться и поглазеть на что-нибудь интересное или не очень, но не требующее никаких забот и затрат. Платили скоморохам только те, кто мог или снисходил. Ведь так было во все века и во всех странах, где публика приветствовала артистов.

А нынешние балаганщики решили наверстать упущенное в веках и старались развлекать народ по возможности, хотению и умению доставить ближнему небольшую частицу радости. Ведь сейчас Россия – уже не коммунистическая, а, социо-дермократическая, значит, всё можно, хоть и не всё полезно, то есть, всё полезно, хоть не всё и не всем разрешается.

Никита стоял посреди прочих, и отсутствующим взглядом следил за сборщиком народной благодарности, пробирающимся по смачно заплёванным арбатским именным булыжникам – бездарный ремейк голливудской звёздной аллеи. Но когда сборщик оказался рядом, Никита всё ещё не мог решить для себя: стоит ли положить в шапку денежку? Дело было не в деньгах, а в принципе заработка таким способом. А с другой стороны – почему бы и нет? Ведь любой писатель или поэт, печатая свои опусы, обнажается перед толпой, продаёт не только тело, но кое-что и посущественнее. Почему?

– А помочь собрату по перу вовсе не возбраняется, – прозвучал над ухом насмешливый голос.

Никита обернулся и встретился с ухмыляющимися глазами человека, одетого в полукафтан из голубой парчи со стоячим высоким воротом, подпоясанный широким красным кушаком с кистями. На голове незнакомца красовалась под стать кафтану соболья «боярка». А художавое гладко выбритое лицо сочеталось с кафтаном примерно как корова с кавалерийским седлом, ведь никто из русичей не признавал безбородых обманщиков.

В пору удивиться хотя бы, но ведь это же Арбат! А, значит, ряженный полукафтанник той же команды, что и выступающие. На худой конец какой-нибудь коллега по выбиванию финансово-рублёвой дисциплины из праздношатающегося люда.

Будто в подтверждение догадки мужик вытащил из-за спины деревянный размалёванный лоток на широком кожаном ремне через плечо. Книжки в нём тесно стояли вперемешку с эстампами, картинками, деревянными ложками и свистульками, берестяными коробочками, желудёвыми монистами и гривнами.

Коробейники на Руси частенько ходили от дома к дому, предлагая свой товар и этот новоявленный торговец ничего новенького не придумал, разве что парчовый кафтан да соболья «боярка» для обычного книгоноши были слишком дорогой одежкой.

Но ведь это же Арбат! Первая в городе, и вообще в стране пешеходная улица. Здесь никому нельзя было появляться на автомобилях, хотя запрет постоянно нарушался новыми русскими, то есть, старыми деревенскими. Только это всё же не мешало уличным представлениям и созданию постоянного карнавала в центре города. Ведь когда человек полон радости, света и улыбок, все дела у него складываются как нельзя лучше. Вот и этот коробейник стоял против Никиты с обезоруживающей улыбкой. Может, продать хотел чего-нибудь, может, просто поболтать с подвернувшимся прохожим, обратившим на него внимание.

– Масыга обезетельник тебе офенится, – заговорил с Никитой коробейник на каком-то полурусском сленге. – Купи, мил человек, берестяну грамотку, аль лубок на липовой коре. Всё радость благодатная. Всё подарочек ближнему, аль себе для поправушки дел нешуточных.

Никита и бровью не повёл, слушая лопотню арбатского офени. Пока тот балагурил и словоблудничал, парень взял с коробейного лотка несколько лубочных картинок, выполненных и вправду на хорошо обработанной мягкой липовой коре.

Никита с увлечением и удивлением рассматривал диковинные самоделки, поскольку никак не ожидал здесь увидеть что-либо подобное. Офеня всё ещё продолжал лопотать на полурусском, расхваливая товары, и на зов торговца подошли ещё несколько человек, забредших по случаю на праздник арбатского бытия и веселия.

– Ой, прелесть какая! – протиснулась к лотку молоденькая девушка.

– Настоящая ручная работа! Не подделка какая-нибудь! – отозвался коробейник.

– Сколько стоит? – друг девушки, видимо, решил тряхнуть мошной на радость подруге и не скупиться на затейливые безделушки. – Мы, пожалуй, купим у вас кое-что. Сколько стоит вот это? – парень указал на затейливую игрушку-свиристелку, вырезанную из липы.

– Стоит – не воет, воет – не смует. По вычуру юсов, – опять забалагурил странный книгоноша. – Брать дорого не стану и не сыпь мне соль на рану!

Потом офеня повернулся спиной к парочке потенциальных покупателей и, нагло наступая на Никиту, тесня его к вестибюльной колоннаде театра Вахтангова, заговорил уже более современным языком.

– Купи, господин хороший, свиристелку-самосвисточку, аль гусельки самогудные, переливчатые. Всё польза душе ищущей, отрада сердцу беспокойному. Тебе мой товар как никому нужен, уж я-то знаю. А хошь, мил-человек, книжицу редкую из стран заморских да сочинителей тутошних, не нами писанную, не тобой прочитанную? Почти книгоношу-офенюшку, купи хоть поэмку за денежку. Никаким не Байроном, а самим Пушкиным писанную, да ищче не читанную, глаголом не глаголемую. А вот роман Сухово-Кобылинский. Опять же нигде, окромя меня, не купишь, сгоревший потому как.

– Сгоревший? – Никиту аж передёрнуло, будто ему предлагали купить свеженькой мертвечатинки под гламурным соусом настоящим на тридцати трех травах.

– А то, как же! – подхватил офеня. – Кто сказал, что рукописи не горят? Горят, ещё как! Горят, синим пламенем, дымным дыменем, что и вокруг не видать, а видать – не угадать. Любит ваш брат писарчук огоньком-то побаловаться. Не сыскать ещё закона против пламени онгона.

– Какой брат? – Никита подозрительно глянул на книгоношу. – Ты про какое пламя онгона, и про какого брата мне лапшу на уши вешаешь?

– Не тот брат, что свят, а тот, что у Царских Врат по тебе рыдат, – пустил слезу офеня. – Коли есть кому молиться – то не курица, а птица...

Пространство вдруг сузилось, загудело, как сквозняк, прорвавшийся сквозь тесное неприютное ущелье в диких горах. И вдруг Никита вспомнил. Вспомнил давно забытый эпизод из детства, невесть как застрявший на одной из полок памяти, пылившийся там до поры, покуда простое ничего не значащее слово, брошенное странным книгоношей-офеней, не вытащило на свет Божий почти совсем забытую картину. В памяти возникла старенькая деревянная, давно не ремонтируемая деревенская церковь, куда водила его бабушка тайком от просвещённых Научным коммунизмом родителей. Увидел как бы со стороны бабушку, совсем не изменившуюся с тех пор, и себя там подле неё, державшегося неуверенно за её юбку. А прямо супротив Царских Врат стоит Данило – деревенский юродивый.

Юродивый был в любой русской деревеньке великой достопримечательностью, потому что слова юродивых всегда были пророческими. Взрослые иногда с опаской, иногда открыто спрашивали у них совета, знали – юродивый наговорами грешить не станет. Только вот мальчишки часто закидывали безобидного молитвенника камнями, дразнили: «Данило-косорыло», улюлюкая и пританцовывая на все лады. А он не обижался. Лишь пугал иногда:

– Вот я вас!

Мальчишкам же деревенским только того и надо было. Травля продолжалась до тех пор, пока кто-нибудь из взрослых не разгонял пацанят или подвернувшаяся сердобольная хозяйка не уводила юродивого к себе в избу.

Здесь же, в церкви, Данило стоял впереди всех прихожан, истово крестился, по его бородавато-лицу текли слёзы. Это было заметно издали и так поразило мальчика, что ему стало жалко не столько юродивого, роняющего слёзы, сколько себя, потому что ничем не мог он утешить боль человека.

Никита долго следил за ним, прячась за бабушку, всё также держась за её юбку. Потом, решившись-таки, бочком-бочком подобрался к Даниле, подергал за рукав меховой кацавейки, которую тот не снимал даже летом и потихонечку, чтоб никто не услышал, спросил:

– Данило, а, Данило. Ты чё ревёшь?

Юродивый оглянулся.

– Молюся я. Молюся, что б душеньки вы свои в огонь не бросали. Молюся я... ежели пламя онгона в душе разгорится, ничем ты его, малец, не потушишь. Не спеши сгореть вживе, не для того тебя Бог на землю отправил...

– Да, позагорбил басве слемзить: рыхло закурещат ворыханы.¹¹ У кого душа чиста, ты скажи, Никита-ста?..

Никита поднял глаза, но книгоноша уже растаял в толпе, словно клочок петербургской белой ночи, похожей на из-поддизельный выхлоп, занесённый нечаянным ветром в столицу. Всё ещё пытаюсь высмотреть офеню среди разношёрстных любителей поэзии, Никита выплеснулся на свободный пятачок булыжной мостовой, однако коробейника нигде не было. И странная фенька офени повисла на ушах непереверённым предупреждением. А о чём хотел предупредить книгоноша? И хотел ли? Может, вся его фенька как раз рассчитана на падучих купчих?..

– ... чтобы душеньки свои в огонь не побросали.

Не успел Никита избавиться от наседающего образа кафтанного офени, как на глаза попался художник, вывесивший свои гравюры прямо на проволочном стояке, смонтированном посредине бульвара. И всё ничего, художников, книгонош, матрёшечников, гимнастов, бардов и прочего артистического добра на Арбате хватало. Этот же обратил внимание на себя, то есть, на свои графические работы, явной небывальщиной.

Шёл первый год нового столетия, однако нигде ещё Никита не встречал таких гравюр, разве что когда-то с удовольствием просматривал чёрно-белый стиль Дюрера или же Обри Бердслея. Только эти господа давно уже отошли в мир иной, оставив после себя удивительные гравюры. Но в новом веке не должно было возникнуть никого из таких художников, владеющим проникновением в самые сокровенные углы человеческого сознания с помощью одного-двух штрихов послушной туши. Просто не модно среди художников выставлять своё творчество со стороны откровенности. А вот этот не испугался...

На одной из гравюр бы изображён человек, держащий в руке, вывернутой за спину, то ли кисть, то ли кривую стрелу, украденную у Амура. А, может быть, сам Амур поселился в теле этого художника. Рядом с фигурой красовалась надпись: Александр Лаврухин. Видимо, картина была визитной карточкой художника, стоявшего неподалеку и с приветливой улыбкой следившего за Никитой.

– Александр Лаврухин – это вы? – поинтересовался Никита.

– Мне кажется, других поблизости не наблюдается, – весело рассмеялся художник. – Вижу, вам понравились мои работы, или я ошибаюсь?

– Нисколько не ошибаетесь, – уверил его Никита. – Только я давно уже среди современных художников не встречал ничего подобного. Вероятно, есть где-то кто-то, но так чувственно улавливать человечью суть мог до сих пор только Обри Бердслей, но и он, кажется, недолго на свете прожил.

– Просто не дали, – усмехнулся художник. – У каждого человека в этом мире есть определённая задача: каждый должен открыть свою дверь, на то он и человек. А вот сможет ли закрыть – вопрос уже другой. Сперва стоит подумать, стоит ли закрывать, если надумал раскрыть?

– Это, по вашему предположению, удел каждого?

¹¹ Да, не успел тебе сообщить, утром запоят петухи (феня коробейников)

– Во всяком случае, творческие люди, решившие подарить этому миру, скажем, слово своё и оставить после себя поучительные опусы, обязаны решать, надо ли миру такое поучение? – опять с усмешкой, но уже довольно ядовитой, заметил Лаврухин. – А про нас, художников или музыкантов, и говорить нечего. Какой же ты мастер, если не сможешь доставить окружающим радость выполненными работами, хоть на несколько минут в этой призрачной жизни?

Художник посмотрел в глаза Никите и того чуть не хватил психический удар, поскольку Александр Лаврухин оказался точной копией только что пристававшего книжника-офени! Разве что у арбатского вились вокруг лица длинные волосы, а подбородок украшала аккуратно постриженная борода. Но лица художника и офени были настолько схожи, что Никита сразу не смог даже ничего сказать. Лишь помотав головой, он всё-таки решился:

– Послушайте, Александр, у вас нет случайно брата? Я буквально несколько минут назад видел вон там, – Никита для наглядности указал пальцем в начало Арбата, – видел точно такого же человека, торгующего офеню-лотошника. Если вас поставить рядом, можно сказать, – близнецы!

– Вы, скорее всего, ошиблись, – пожал плечами Лаврухин. – Просто этот офеня чем-то сумел поразить, вот вам и кажется нечто похожее. Но мне интересно, какая же из моих работ вас затронула?

– Вот эта, – ткнул пальцем Никита в занимательный графический рисунок.

На нём была изображена женщина, сидящая в позе лотоса. Но художник умудрился зарисовать даму в профиль. Причём, вся фигура женщины под взглядом рисовальщика оказалась прозрачной и внутри фигуры, вместо позвоночника, вытянулась змея, голова которой застыла прямо в мозгах под причёской дамы. Никита и раньше слышал про энергию Кундалини, начинающейся в конце позвоночника, там же, где находился хвост змеи. Но данная энергия раскручивается снизу по телу человека как спираль вокруг позвоночника. На рисунке змея в теле женщины также обладала спиралевидными отростками, как будто дерево – веточками.

– Ах, вот что, – улыбнулся художник. – Когда я изобразил женщину под таким ракурсом, то был поражён мыслью посланной мне из подпространства. А ведь из этого и состоит каждый человек. То есть, внутри личности растёт дерево, связывающее все физические основы человеческого тела. То же самое представляет собой дерево мира, по которому даже певец Боян путешествовал, о чём сказано в «Слове о полку Игореве».

– А почему у вас в голове женщины находится голова змеи? – поинтересовался Никита.

– Видите ли, человеческий позвоночник действительно похож на ось мира, на его мизерную копию, – начал объяснять Лаврухин. – Недаром во всех странах деревом мира считалась обыкновенная акация: именно это дерево выросло вокруг тела Осириса, именно из веток акации был сплетён «терновый венец» для Иисуса, именно из этого дерева Моисей сколотил себе ковчег. Человеческий позвоночник тоже похож на структуру акации. А голова змеи, как я думаю, тот самый плод дерева, зарождающийся в сознании матери. Если женщину преследуют плохие мысли в момент зачатия, то плод, созревший в голове, падает в её утробу и поселяется в теле ребёнка. Ведь человек до сих пор не может понять, откуда у детей возникают неизвестные слова, понятия, действия, доброта или наоборот – жуткая агрессивность. Казалось бы, человек ни в коей мере не должен родиться плохим, однако, многие дети вместо «мама» говорят «дай». У этой женщины, пришедшей ко мне ниоткуда, родится ребёнок с головой змеи: с ранних лет умненький, даже мудрый, чуть ли не гениальный, но в любой момент готовый ужалить любого, кто окажется поближе. Нечего, мол, со мной сюсюкать и растекаться лужей по паркету.

– Сколько стоит эта картина, – спросил Никита, поскольку решил подарить картину Ляльке. Пусть думает, каким может родиться у них ребёнок, когда настанет срок.

– Знаете, – художник на несколько секунд замолчал. – Знаете, я вам эту картину просто дарю, потому что вы первый за сегодняшний день, с таким вниманием отнёсшийся к моим работам.

Лаврухин снял с плетёного стенда гравюру, завернул в чистый лист бумаги и протянул понравившемуся ему собеседнику. Никита растерянно принял подарок, распрощался с художником и побрёл дальше. Мысль, что офеня и художник-график похожи, как братья-близнецы, опять закрутилась в пустой голове, подгоняемая фразой, брошенной юридическим в детские годы: «...чтоб душеньки свои вы в огонь не побросали...».

О, сколько раз уже приходилось делать это, сталкиваясь с вездесущим пламенем онгона. Сколько раз, начиная с тех времён, когда книги только-только стали овладевать сознанием, лепить характер человеческий, или характерного человека, испепеляющий онгон проникал в тело, сознание, душу? Сколько раз хозяйничал супротив воли? А!.. всё равно...

Но откуда этот залежалый офеня – продукт явно не двадцать первого века – откуда он что-то знал про Никиту?.. откуда Александр Лаврухин?.. нет. Просто какое-то дикое совпадение. Всё это ерунда на постном масле.

Размышляя так и заставляя себя не думать, не вспоминать о куче сгоревшей бумаги в секретере Никита брел по Арбату в толпе гуляющих, число которых на этом клочке Москвы никогда не убавляется.

Художники, портреты, барды, палатки, продавцы, попрошайки – всё смешалось в одну разноцветную карусель, даже слишком весёлую, чтобы быть настоящей. На углу разбитные девчонки-протестантки, размахивая флажками с трехцветной российской демократией, протестовали против очередной войны, развязанной американцами, своеобразным парафразом известной фронтовой песни: «... а Бушу яйца-а-а оторва-али, несли с пробитой головой».

За столиками, стоящими прямо посреди улицы, сидела шумная студенческая компания и с достойной всяческого уважения актуальностью уничтожала то ли «Баварское», то ли «Балтику» третий номер, но под неперемные креветки, поцелуи и тосты. Естественно, где-то сбоку притулился всамделешный гитараст с нехитрым музыкальным инструментом своим, да только с музыкой у него как-то не получалось. Но это никого не интересовало.

Общее внимание привлёк к себе серебристый кабриолет, медленно продвигающийся по пешеходному Арбату. За рулём сидел известный всему городу Сын Юриста. Такую кличку от народа Жириновский заработал своим же высказыванием, мол, мать у меня – русская, а отец – сын юриста. Что поделаешь, человек сам выбирает себе не только профессию, а и национальность. Позади его машины неотлучно, словно щенок на верёвочке, полз джип «Чероки» с зачернёнными стёклами в тон окраске кузова.

– А слабо Жирика на пиво расколоть? – подал кто-то ценную мысль в студенческой компании.

– Легко! – отозвался гитараст. Прислонил свою многострадальную «музыку» грифом к столешнице и боком протиснулся к кабриолету.

– Здорово, Вольфыч, – глубокомысленно обратился он к сидящему за рулём, но больше сказать ничего не успел, потому как из джипа, словно чёртики из табакерки, выпрыгнули два охранника с тем, чтобы блокировать осмелившегося обратиться к ЛДПРовскому хозяину.

– Ладно-ладно, отпустите-отпустите. Однозначно! – проворковал Сын Юриста. – Чего тебе?

Гитараст, разминая запястья после нежных прикосновений охранников, ничуть не смущаясь, ляпнул:

– Вольфыч, а слабо с нами по полтинничку на пиво?

Тот удивлённо посмотрел на гитараста, подумал секунду и в тон ему ответил:

– Легко!

Пока возбуждённые студенты освобождали место для именитого гостя, вытирали замусоренный стол, и наливали ему пиво, охранники живым полукольцом оцепили пивной ресторанчик, ясно давая понять, что «туда нельзя», «сюда тоже». Барин гуляет!

Никита, мимоходом наблюдая арбатские приключения, засмотревшись на эту достойную кисти эпохального баталиста панораму, налетел на ещё одного нелепого торгаша. Тот сидел прямо на булыжной мостовой в позе бывалого московско-российского йога и бормотал то ли мантры, то ли заклинания, то ли «Апрельские тезисы» Ульянова-Бланка. Его окружали три кольца стеклянных разнокалиберных банок, как три кольца ПВО – Москву.

Никита прорвался в самый центр, не задев ни единой посуды. Да и сам торгош, одетый в русскую с расшитым воротом косоворотку, чудом избежал столкновения. Видя попавшего к нему потенциального покупателя, он тут же принялся всучивать свой любопытный товар, отчаянно грацируя и канюча:

– Купи, господин хороший, баночку. Ждёт-пождёт рыцаря красна девица.

Это словосочетание «господин хороший» полоснуло, как выскер зарницы, когда «тиха украинская ночь». Снова почудился давешний знакомец офеня. И уже в третий раз! Нет. Лицом не похож, хотя голос вместе с прибаутками очень смахивает на тот, что был у встреченного книжника в боярском кафтане... А что голос?

Можно подумать, что офеня давнишний знакомый и Никита обязан вычислять его даже по голосу и по цвету глаз из тысяч, гуляющих по Арбату! Только глаза всё же очень похожи на те, что были у художника Лаврухина: острые, насмешливые, беспощадные. Такие легко запоминаются, но у разных людей глаза не могут быть одинаковыми. Скорее всего, одинаковых глаз не бывает, как и одинаковых отпечатков пальцев. Может, все они, арбатские тусовщики, чем-то похожи? Вот и будет теперь офеня чудиться в каждом случайном прохожем.

– Ты чем торгуешь? Банки продаёшь? – решил узнать Никита.

– Банка банке рознь: ту – возьми и брось, а вот здесь не муха – свет Святого Духа.

– Говори да не заговаривайся, любезный? – поднял бровь Никита, тем более, присказка опять смахивала на слетавшие недавно с губ офени прибаутки.

Однако, взглянув на стеклянную посудину, обомлел. К вечеру ближе тени сгущаются: внутренность банки отчётливо светилась разноцветными узорчатыми пятнами. Они не лежали смиренно набитые под стекло, а переливались, вытягивались, заплетаясь косичками, создавая внутри посуды огромный разноцветный микрокосмос. Надо думать, в темноте банка вообще заиграет всеми цветами радуги.

– Что это у тебя? – опешил Никита.

– Имеющий уши да слышит, – обиделся торгош. – Я не шайтан и не шарлатан. А вот ангелов ловлю да по сходной цене уступаю. Они ведь как? Ждут-пождут сердешные, когда попросят кто о помощи помолится. Да народ или молиться не умеет, просит плохо или непотребное что-то кланчит. А ведь сказано: стучите и отверзется, ищите и обрящете. Для кого сказано? Вот и помогаю я ангелам непристроенным с людьми творческими встретиться. А где же ещё, как не на Арбате? Да...

Торговец замолчал, поднялся с земли, отряхнул свою белую полотняную косоворотку, подпоясанную красным кушаком с кистями, тоже очень похожим на пояс офени.

– Ну, что? Возьмёшь Ангела? В полцены уступлю, а то потом искать будешь – не найдёшь, просить станешь, а не обломится.

– Тебе лишь бы продать, я понимаю, – кивнул Никита. – А что мне с ним делать, если это действительно ангел?

– Как что? – удивился торгош. – Принесёшь домой, поставишь на подоконник. Как чего надо – потри банку рукавом, глядишь чего-нибудь и исполнит.

– Ну, прямо уж и исполнит? – не поверил Никита. – Он же не джин и не в кувшине.

– А тереть банку с верой надо. С любовью, – наставительно объяснил продавец. – Обращаться только с необходимыми проблемами и не надоедать попусту.

У студентов за пивной трапезой в уличном ресторане кто-то включил магнитофон, из которого голос Высоцкого авторитетно сообщил: «Меня недавно Муза посетила. Немного посидела и ушла...».

– Этот не уйдёт, – кивнул продавец на светящуюся банку, – только крышку не открывай.

– Ага, одиночная камера. Он что-то вроде джинна, что ли? – решил уточнить Никита.

– Я же говорю: Ангел! Бери, тебе даром отдам. Ты хороший парень, скрупулезный, так что Ангел у тебя не пропадёт. Это мой подарок от души!

– Странно! – поджал губы Никита.

– Что странно? – не понял торгош. – Дарёному коню...

– Знаю, знаю, – перебил Никита. – Не то странно, что ты мне подарок делаешь, а то, что мне только что один художник, на тебя похожий, тоже подарил свою картину.

– Художник? – усмехнулся торгош. – Подарил? Так радуйся! Подарку всегда радоваться надо, иначе ты за всю свою сознательную жизнь романы писать не научишься...

От студенческих столиков, аккуратно отгороженных спинами хранителей тела, раздался дружный хохот. Никита даже оглянулся в ту сторону. Видимо, гвоздь программы – именитый гость – веселил подрастающее поколение, на чём свет стоит. От него можно было ожидать что-либо подобное, тем более, в студенческой компании.

Никита невольно прислушался. Судя по всему, Сын Юриста был в ударе и возвысил голос свой с милой «юридической» картавинкой. Его стало хорошо слышно на добрых сто метров в близлежащих арбатских подворотнях и уличных ресторанах.

– Пора объединить все здоровые силы в Отечестве нашем, – витийствовал Жириновский. – Объединить всех истинных граждан Державы нашей вокруг единой святой идеи – назло любой мировой закулисе. Иначе – хана. Воспользуюсь этой скромной трибуной, я процитирую здесь, в порядке напутствия единомышленникам, заключительные слова из моей книги «Иван, запахни душу!»: «Я простой гражданин России. Я хочу помочь тебе, Иван. Давай вместе скажем, наконец: Хватит! Русский Иван больше не хочет, не будет, не позволит!». ¹²

– Во даёт! – отметил Никита. – Ему бы ещё броневилок, как Ильичу Первому, или на худой конец танк, как Борiske Пропойце, – и революция в кармане. Да, мужик, давай мы с тобой, мужик! Мужик не хочет! Правда, неизвестно что, но не хочет! Конкретно не хочет! Поэтому, долой! Расстрелять! Призвать к ответу и заставить объяснить мировой закулисе... Новая революция... Новая власть... Всё это мы уже проходили в сотнях стран в миллионах эпох. Во имя чего? Выстругать новое свиное корыто для «отечественной закулисы»? Сам-то ты, Сын Юриста, сделал для страны хоть что-нибудь стоящее, кроме скандалов и пустопорожного ора?

Меж тем торгош принялся складывать банки в большую чёрную сумку. Никита всё ещё держал светящийся сосуд, не в силах решить: купить или не купить, как будто вездесущий принц датский снова патетировал из средневекового небытия трагическим шёпотом – быть или не быть?

– Извечная дилемма, – подал голос продавец. – Я и сам не ам, и другим не дам.

– Но ты не сказал, сколько я тебе должен? – возразил Никита. – У любого товара есть своя цена.

– Говорю же: тебе – даром. Бери, пока даю! – торгош обиженно вскинул голову. – Беда мне с этими русскими, даже подарки готовы на зуб пробовать.

– Послушай, что это ты вдруг подарить решил? ангела?.. в банке?

– В банке, в банке, – подтвердил незнакомец. – Они больше ни в какую посуду не ловятся. А ты мне понравился, парень, вот поэтому хочу сувенирчик на память оставить. Можешь не

¹² Заимствовано из неоднократных выступлений Жириновского.

благодарить, сейчас это тебе просто игрушка красивая. А потом, когда поймёшь, может, вспомнишь ещё да поклонись.

Торговец уже сложил свой странный товар в сумку и, не спеша, зашагал к Смоленке, ещё раз кивнув Никите на прощанье. Тот остался стоять посреди улицы, держа в руках банку, переливающуюся холодными разноцветьями бликов, не зная, то ли радоваться неожиданному подарку, то ли поставить её куда-нибудь к стеночке от греха подальше.

– Послушай! – закричал Никита вслед торгашу. – А как ты догадался, что я романы пишу?

Только торговец уже не слышал Никиту или сделал вид, что не услышал, продолжая прокладывать могутным плечом путь к метро в негустой толпе случайных прохожих.

Банка в руках жгла холодным светом, и хотелось от неё почему-то избавиться. Но затейливые блики, словно узоры калейдоскопа, завораживали волшебными рисунками, удивительным струистым мерцанием, и Никита решил оставить игрушку. В то, что там действительно ангел, верилось слабо. Точнее, совсем не верилось, хотя что-то там всё-таки светилось. Может метан? или гелий? или?.. Полыхающая огнями банка вполне могла оказаться побочным продуктом какого-нибудь грандиозного открытия или совсем не грандиозной ядовитости. А, может, она всё же не дешёвка? Тогда зачем торгаш её подарил? Ведь сначала продать хотел!

– Губит людей не пиво, губит людей вода! – жизнеутверждающе голосили студенты, а, Сын Юриста милостиво кивал в знак полного согласия. Его маститая тушка торчала посреди студентов, живо напоминая репейник на грядке. Потом он вдруг вскочил, встал в позу и зажурчал, совсем как обвальный водопад:

Подай, поэт, глоток прохладной лиры,
Я так устал от бешеной жары!..
Угрюмый мир моей пустой квартиры
Не отличить от сумрачной норы.¹³

Никиту слегка затрясло, где-то в недрах желудка стало нехорошо. Этого только не хватало! С биокабинками на Арбате проблема. Никогда бы не подумал, что от стихов..., то есть от зарифмованного текста, может быть нехорошо.

Душа истлела, сердце от исканий
Иссохлось, как пустынная земля...
Подай, поэт, приблизь предел мечтаний,
И в храме вечности тебя восславлю я!..
Всего глоток... Я шёл через пустыню,
Песчаный смерч засыпал мне глаза,
Моих следов не отыскать уж ныне,
Их занесла песчаная гроза,
А фляга вдохновенья опустела
Ещё за тем барханом суеты...

– Ага, – подумал Никита, – ещё одну такую флягу и атомной войны не надо. Вот в этом весь Жирик!..

Он кивнул неизвестно кому, и пошел, размышляя об ангелах совсем не ангельскими категориями, потому что иначе хана. Арбат уже не казался Никите таким уж странным и с десятком-другим художников-торгашей-офеней он был совсем не прочь встретиться мимоходом. А

¹³ Стихи Жириновского выдержали неоднократную публикацию.

что, сразу жизнь принимает какие-то другие оттенки, и происшедшие события кажутся указательными вехами в непройденной дороге по болоту жизни.

Никита снова с любопытством взглянул на подаренную банку. Пятна в ней с наступлением темноты действительно сгустились, даже сами стали источать неуловимую радужную энергию. Смотреть на них было приятно. Световой калейдоскоп не раздражал, а наоборот, успокаивал и навевал воспоминания детства:

Свет лампочки ворвался в комнату непрошенной сиятельной волной, обличающей всех, на месте застуканных. Мама твёрдой поступью войскового старшины на параде маршировала по паркету к сыну, занявшему оборону на тахте под верблюжьим одеялом. Никита, глядя военный парад по телевизору, как-то раз примерил эту грозную шагистику военных к маминой – получилось в точку.

«Сейчас она устроит пар-Ад, – справедливо подумал Никита. – Нет, скорее всего, демонстрацию. Хотя хрен редьки не слаще». Чеканная поступь тапочек затихла совсем рядом.

– Сам отдашь или изъять?

И голос как у старшины. Никуда от неё не спрячешься. Но Никита лежал, не шевелясь под своим толстым верблюжьим одеялом с лиловым узбекским узором посередине: а вдруг пронесёт? вдруг поверит, что сплю?

Мама тяжело вздохнула, содрала одеяло и отобрала зажжённый фонарик.

Отобрала так же и книжку. Посмотрела название.

– «Три мушкетёра», – поджала мать губы. – Третий раз ведь уже читаешь. Пospал бы лучше. Завтра опять краном не подымеешь.

– Мам, ну я только главу дочитаю...

Мама посмотрела на попрошайку с чуть заметной улыбкой.

– Всё, спать! И гляди у меня! – погрозила она.

Никита горестно вздохнул, опять с головой закутался в одеяло, всем своим видом изображая покинутость, одиночество не понятого обществом и непризнанного даже близкими. Ну, пусть не гения, где-то около, но непременно гонимого.

В комнате погас свет. Дверь затворилась. Мальчик ещё некоторое время лежал, напряжённо выслушивая тишину. Вот по коридору прошуршали мамины тапочки, неуловимо превратившиеся из пар-адовых ботфортов в мягкие кошачьи подушечки. Пора! Он змеей скользнул под стоящее рядом с тахтой бархатное кресло, выудил оттуда другой фонарик, том «Графа Монте-Кристо» и снова с головой нырнул под одеяло. Жизнь продолжалась.

Угрюмый дождик до вредности педантично перечёркивал окно наискосок, Судя по всему, на заслуженный отдых он не собирался. Никита в мокрой куртке – забыл снять – сидел у письменного стола, держа в руках фотографию улыбающейся девушки. Милые глаза, милая улыбка... Кто она ему? Так, одноклассница, сидели за одной партой с первого класса. Именно тогда Никита взял на себя смелость охранять Верочкины бантики, что б никто не смел не то, чтобы дёрнуть, но даже подумать об этом.

Сейчас она уже девушка и сделала себе модную стрижку. Даже успела выскочить замуж. Но что толку с этой стрижки? Она всё ещё та маленькая, с косичками? Хотя... Только ведь никто никаких обещаний не давал! А разве надо было что-то обещать? Ведь они целовались! Оба целовались в первый раз! Он отлично помнил, как её глаза оказались совсем рядом, будто заглядывали куда-то внутрь, куда даже сам Никита ещё не заглядывал.

А оттуда, изнутри, полыхнула волна огня! Впрочем, это был не тот огонь в физической своей ипостаси. Это был настоящий адский онгон, сметающий все преграды и условности, спаливший в одно мгновение всё существо до клеток, до атомов.

Он целовал её... нет, это она, она целовала. От этого голова кружилась ещё больше, ещё значительней было тонкое касание руки, волосы, скользнувшие по лицу... Запах её тела – свежесорванных яблок, смешанный с дымом запрещённой «Варны» или ещё чего-то запрещенного, дурманил, жил в нём частью того же самого онгона. Потом была встреча: сын, очень похожий на маленького Никитку, её глаза... её шёпот:

– Хочешь? Я приду к тебе...

Оказывается, не только к женщинам иногда возвращается память о первой любви. Но в отличие от мужчин женщина никогда не помнит, что дважды в одну реку не входят.

Фотография, разорванная на несколько частей, упала под стол. Там же почему-то валялась книга «Три мушкетёра». Интересно, а какой была Констанция Бонасье, когда училась в школе? И училась ли? Кусочки порванной фотографии окружили книгу, словно маленькие белые лепестки ромашки: любит – не любит, плюнет – поцелует, к сердцу прижмёт...

Сгорает школьный роман. Неудержимо. Неотвратимо. Полыхают выстроенные мальчишеским воображеньем расписные терема, и дребезгами рассыпаются хрустальные замки. Это только в сказках всё кончается хорошо, и они обязательно поженятся. Жизнь подсовывает совсем другое, похожее на нелюбимую изнанку. К тому же, сопровождающуюся смрадным запахом сточных ям.

В свете рампы возникает невесёлая мизансцена из обломков прошлого, грядущего, пустоты настоящего, которое тут же превращается в прошлое. Чем не калейдоскоп?

Серый пепел, похожий на пелену снега, засыпает глаза. Куда идти? И надо ли? Завтра выпускной. Через несколько лет он встретит её с сыном...

Эта встреча всё-таки будет. Или нет? Выпускной. Куда она после школы. В институт? Не всё ли равно теперь. Только почему же так дышать трудно? Ведь никто она и звать её никак, а...

Листья жёлтые по октябрю
уплывают в отжившее лето,
умоляя больную зарю
вспомнить блеск золотого рассвета.
Где-то ветер мяучит в кустах,
где-то дождик брюзжит под окошком.
Снова жизнь превращается в прах
и стареет земля понемножку.
Кто познал поцелуи небес,
не вернётся обратно в пустыню.
Вот он, твой заколдованный лес!
Только нет в нём пахучей полыни,
только нет в нём шелковой травы —
все тропинки листвою заносит.
Под унылые крики совы
бесконечная тянется осень,
осень жизни и осень души,
как рисунок на белой эмали.
Ты когда-нибудь мне напиши
те слова, что ещё не слышали
обладатели пышных одежд
на твоём незапятнанном ложе.
Я шагаю по лесу промеж
мёртвых клёнов – усталый прохожий,
не похожий на стража небес

и на сказочного исполина.
Где он, твой зачарованный лес
с Купиной Неопалимой?

В том же альбоме сохранилась ещё одна фотография прошлых времён, которая чудом попала к Никите, ибо сделана была залётным журналистом, прилетевшим тогда в ЦДЛ за информационной поживой – вдруг повезёт!

Журналисту повезло запечатлеть писательский дебош. Более того, он умудрился передать фотографию пикантного момента непосредственному исполнителю...

Всегда благопристойный конференц-зал Центрального Дома Литераторов в Москве нынче клокотал от непристойности, словно незапланированный лавовый выброс давным-давно потухшего Везувия, вдруг возрождённого к жизни на маленьком кусочке большого города. Это иногда случается в кузнице человеческих душ, не только с кузнецами. А если при этом подворачивается удобный случай кого-нибудь пнуть или хотя бы вытереть свои многотрудные ноги, естественно дико извиняясь притом, то желающих хоть отбавляй.

Шумный пленум Союза Писателей был в самом разгаре: обсуждались навалившиеся, требующие немедленного решения проблемы непростого многонационального пространства, имеваемого Россией. Что говорить, а писательское корыто приняло с лёгкой руки Луначарского и Фадеева статус «наиважнейшей кормушки» с комбикормом за полцены.

Надо сказать, писатели в ЦДЛ забегали чаще всего, чтобы пропустить рюмашку-другую в подвальном буфете, а не перемывать кости и грязное бельё собратьев по стилю. Но на сей момент, в зале собрались маститые и не очень, так как темы дебатов казались насущными.

В зависимости от поднимаемых тем выступающими ораторами, посреди классиков рождались глубокомысленные рассуждения и вспыхивали моментальные драчки «за» и «противостояния». О литературе уже никто не думал, так как срочно надо было отстаивать своё мнение и выбивать место у кормушки. Обычно из всего этого возникали очередные «охоты на ведьм» да поиски внутреннего врага: идеология – вещь серьёзная, одной перестройкой от неё не избавишься.

Никита заскочил сюда в надежде увидеться с приятелем-стихоплётом, само-собой неповторимым гением, да так и остался, слушая самозабвенные русофобские, юдофильские, патриотические восклицания ораторов.

Опрометчиво развесив уши, он даже не заметил, как искусные ораторы навешали ему такой лапши, что и сам он решил податься в подобные трибуны.

Оттесняя знакомых и малознакомых, Никита успешно прокладывал себе путь на сцену, к заветной трибуне, поскольку именно она была сейчас тем местом под солнцем, за которое положено бороться всем трибунам-ораторам, оттеснив сытные кормушки и корыта на задний план. Переговорив с парой-тройкой президиумных заседающих, он выбил-таки желанное место и время на вдохновенную речь.

– Эх, давно не брал я шашку в руки, – пробормотал Никита, пробираясь к кумачовой тумбе.

Оглядывая зал, он привычно искал среди очков, пиджаков, платьев что-нибудь такое галантерейное, на чём может сосредоточиться взгляд. Из всей пестроты партера он выделил даму не слишком старую, довольно упитанную, но главное – на ней было надето что-то, похожее на китайский пенюар: розово-жёлтые драконы слились в экстазе посреди экзотических лиан и папоротников. Никите даже захотелось заглянуть под кресло, чтобы убедиться в наличии кружевных оборочек на экзотической хламиде. – Надо же, наши поэтессы в присутственные места в неглиже изволят?

Тем не менее, объект был, мысль тоже. Не хватало связного повествования об подступивших обуревающих чувствах, но в таких случаях Никита предпочитал вспоминать слова

Иисуса, заповедовавшего апостолам не заготавливать парадных речей и проповедей: Господь сам знает, какие слова вложить в уста глаголющему, особенно если тот вносит в жизненную суматоху часть хоть какой-то истины.

На трибуне, как положено, стоял графин, вероятно, еще со времён зарождения исторического материализма. Налив себе воды, вкусом очень похожую на прокисшую атмосферу в зале, Никита отыскивал глазами выбранную жертву и обратился прямо к ней:

– Я вот здесь послушал выступления многих уважаемых, – он сделал сакраментальную театральную паузу, – и не без основания подумал, что устраиваются нынешние пленумы для исписавшегося или вообще бесталанного большинства, прорывающегося к кормушке. Ведь во времена Бояна, Державина, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Бунина, да и в Серебряном веке тоже никогда не было Союза Писателей или Художников. Откуда эта кровавая мозоль среди верховых, оседлавших Пегаса? Зато Союз Писателей богат членами, этого никому не отнять.

Мигом рухнувшая в зал тишина воодушевила Никиту. Мысли, образы, соображения, давно зревшие в сердце, стали выстраиваться во вполне понятную картину мышины возни под царственной вывеской «Союз Писателей». Вероятно, не стоило в эту пустую драчку ввязываться: гневной речью, похожей на порыв ветра, такую махину не остановить – но уж если первый шаг сделан... Пеньюарная жертва плотоядно взирала на молоденького, но уже осмелившегося, – что б ему!..

Никита не отвёл взгляда, наоборот. В одраконенной даме, любопытные глазки которой весело поблескивали на откормленном оштукатуренном лице, пред ним предстал весь СП в великолепии социалистического реализма.

– Поднимите руки, – продолжил он, – кто из вас вместо того, чтобы работать со словом, над словом, писать стихи, песни, прозаические эссе, опусы и романы собираются здесь и слагают слова в лозунги типа: «Русские мешают возрождению Руси!» или «Восстановлению порядка в России мешают жида!» Ага, лес рук и бурные аплодисменты! В общем, хорошему танцору всегда что-то там мешает. Я вижу в президиуме одного из прежде выступающих и отважных. Скажите, Юрий Александрович, а много ли килограмм прозы у вас вышло за последнее время? – обратился он к одному из президиумных писателей. – Нет, лучше сформулируем по-другому: у вас вышло в свет более сорока томов многокилограммовой прозы. Я ничего не путаю?

Я не против ваших сочинений, отнюдь нет, но здесь несколько минут назад вы, милостивый государь, заявили, мол, гнать из России жидов и всё тут. Пусть русские только русских читают. Я знаю одну кандидатуру на выгон. Это женщина. В частности – Юнна Мориц, о которой вы тоже только что поминали. Эта поэтесса искренне считает нашу страну своей Родиной, живёт в ней, Никуда не эмигрируя, работает для страны, то есть для русских. Более того, считает себя истинной уроженкой державы под именем Русь. А строчки её стихов, например, «Собака бывает кусачей только от жизни собачей» или «Шёл и насвистывал ёжик резиновый с дырочкой в правом боку», знает любой первоклассник.

Так кто же для этой страны сделал больше: многоуважаемый Юрий Александрович с грудой изданных томов, которые, увы, никто не читает и которые не годны даже для туалета, потому как отпечатаны на мелованной бумаге, или эта поэтесса одной строчкой своего стихотворения?

Хотите знать, во что выливаются писательские бдения? Пожалуйста: на Масленицу у парадного подъезда ЦДЛ сожгли соломенное чучело Евтушенко. Он что, заказал посильную помощь в рекламе, поскольку давно уже исписался?

Писатели меняют стило на френч рекламного менеджера! А скажите-ка мне, уважаемые, был ли, скажем, Пушкин или Гоголь, в каком ни на есть Союзе Писателей, я уже задавал этот вопрос? Что? Не было тогда этого? То-то и оно! Просто не надо было русским писателям становиться членами. Люди вместо междоусобия работали и не мешали другим. Конечно, ссоры

да междусобойчики имели место и тогда, не отрицаю. Но люди не мешали друг другу: никто никого никуда не выгонял. Одно только изгнание Пастернака или Бродского стоит презрения к Союзу так называемых писателей!..

Зал уже давно раскалённый и заведённый вдруг взорвался фальцетом обиженного члена СП:

– Поджидок!

Никита с удивлением отметил, что визжала пеньюарная дама, а её драконография оскалила свою хищническую сущность, готовая порвать на портянки Нового Цицерона. Зал, подгоняемый визгом, словно ломовой мерин пьяным извозчиком, подхватил:

– Гнать его! Вон из России!

– Пошёл вон!

– Вали из России, жидовский прихвостень!

– Меня? Из России? – усмехнулся Никита. – Это вряд ли получится. А вот в Союзе вашем я и сам не останусь. Кто кому нужен, вы мне или я вам?

С этими словами Никита достал из кармана зажигалку, писательский билет и принялся обстоятельно поджигать его здесь же, на трибуне посреди траурного всеобщего ворчания. Красный коленкор упрямо сопротивлялся, но с огнём не пошутишь: корочка, роняя едкий, режущий глаза дым, всё-таки занялась.

Боковым зрением Никита заметил, что пришедшие в себя охранники писательских тел активно зашевелились за кулисами.

Дождаться афронта не стоило. Величественным жестом, бросив билет, исторгающий обаятельную вонь, в пепельницу председательствующего, стоявшую на столе под кумачом, Никита спрыгнул со сцены и, не торопясь, вышел из зала.

Толпа, заполнившая было проход, послушно расступалась перед ним, будто застойный лёд под брюхом ледокола. С чувством выполненного долга Никита вышел из зала, где писательский шабаш уже достигал апогея.

Уходя – уходи!

Глава 3

Он стал приходить ночью.

Сначала просто как часть сонной рапсодии или мозаики, потом более зримо, осязаемо. Казалось, незримое полупрозрачное пространство вдруг сворачивается, раскручивается маленьким смерчем прямо в квартире, потом крутящийся вихрь густеет, и плотный сгусток постепенно превращается в абрис человеческой фигуры, продолжающей шевелиться в такт вращения смерча. Наконец, когда наблюдающий уже должен привыкнуть и не орать благим матом, видя сгущающееся пространство, из ниоткуда возникал настоящий человек.

Кто он? Никита не знал, не пытался разобраться в истоках своих снов. Просто когда приходил Ангел – именно так стал называть его Никита – в холодной комнате становилось тепло и уютно. Видимо, сгусток воздуха, откуда возникал Ангел, был непростого происхождения. На припорошённом снегом балконе распускались чайные розы удивительных расцветок и оттенков, а откуда-то из близкого-далёка доносилась нежная спокойная музыка, напоминающая мурлыканье ручейка по весне. На большом старинном гобелене, подаренном друзьями на свадьбу, расцветал миндаль, и лёгкий бриз кружил по комнате его удивительные дымные запахи.

Тут хочешь – не хочешь, а поверишь в невообразимый потусторонний огонь, врывающийся без спросу в обозримое пространство. Сначала чудилось невесомое парение в каком-то волшебном незнакомом мире, который был всё тем же узнаваемым. Узнаваемым, и в то же время совсем другим, будто отражённым в огромном венецианском зеркале, которое Никита из года в год давал себе слово перевезти с дачи в Москву, но которое так и оставалось в числе невывезенных.

Глубина и чистота отражения зеркала была пронзительной, как сквозняк, шмыгающий в приоткрытую дверь промозглым вечером, как судорога скул от ключевой воды в июльский полдень. Зеркало завораживало и отражало самую суть возникшего в нём человека, который непроизвольно получил имя Ангел. Это нездешнее зеркало совсем не спешило отражать физические формы предметов окружающего мира. Только когда Никита брал зеркало за угол, словно огромное полотенце, и встряхивал, то отражающийся в нём Ангел оставался в комнате. Более того, он оживал физически, а зеркало исчезало, будто его и не было.

Это новое чувство, подаренное Ангелом, можно сравнить разве что с любовным мандражом нецелованного мальчика. Любой мужчина должен помнить первые ощущения, когда каждой клеточкой чувствуешь хрустальные многоэтажные пространства, готовые рухнуть на самой высокой ноте твоей желаемой грусти или восхитительного восторга, чтобы опрокинуть и тебя, и весь мир в тартарары, потому что... потому что любовь!

Но всё же, что такое любовь? Жалость? Сострадание? Боль? Понимание? Алчное обладание? Или всё это вместе взятое, плюс ещё косой десяток определений? Возможно, если это чувство является целью. Но когда человек живёт понятием Христоцентричности мира, любовь становится процессом, философией и даже самой жизнью.

Именно эту роль взял на себя Ангел, потому что Никита видел в нём посланца неведомого Божественного мира, иначе с приходом Ангела никогда бы не появлялось чувство высокого полёта и радости.

Мишурные брызги света, словно пузырьки нарзана, струились в сознании. Откуда-то проливались звёздные ливни, пронизывали пространство, закручивались косичками, как стебли повилики или ползущая по пруту виноградная лоза. Конечно, это мир становился сном, потому что наоборот бывает редко, вернее, – никогда. Но повторяющийся сон намекает на то, что он – вещий. Сны-откровения и раньше приходили к Никите, поэтому он не особенно удивлялся головокружительным красотам, сопровождающим приходящего Ангела. Более того,

Никита стал ждать его появления, так как никогда раньше не испытывал такого подъёма жизненных сил и веры в свои писательские способности.

Лялька, узнав об Ангеле, ничего не сказала, только ядовито улыбнулась и поджала губы, дескать, будущее покажет. Что ж, Никита был с этим согласен. Только когда наступит это будущее? Причём, Лялька скоро уезжала в свою очередную археологическую экспедицию, а Никите не хотелось бы встречать будущее без любимой жены. Тем более, что Лялька всегда была его берегиней и дельным советчиком. Таких жён в наше «трудное время американского кризиса» днём с огнём не сыщешь.

Волшебные сны, кстати, стали сниться почти сразу после того, как Никита принёс домой дареного Ангела в банке. Поэтому являющегося во сне он почти сразу стал называть Ангелом. Гость никогда не причинял неприятности и вместе со сновидениями приносил только радость. Может быть, он не любил страшилки и кошмары всех видов, потому как кошмарники никогда никому не приносили пользы. Ангел становился для Никиты тем другом, каких мало в настоящем подлунном, поэтому его сакральные посещения стали необходимы, как укол для наркомана.

В связи с посещением потусторонней силы, вероятно, необходимо было выпросить у него подачку, как водится во всех сказках. Но просить Ангела о каких-то выполнениях желаний совсем не хотелось. А банка, между тем, днём жила своей банковской жизнью, к вечеру переливалась искромётным каскадом красок, вспыхивала фейерверком пульсирующих огней. Всё же посуда не всегда была весёлой и цветной. Банка стояла на подоконнике иногда тёмная, даже чёрная, не выдавая своего присутствия. В такие моменты Никите казалось, что Ангел на что-то беспредметно обиделся и совсем по-детски фыркнул.

– Тоже мне, ужас на крыльях ночи! – ворчал Никита в такие вечера. Он очень не любил Ангела, когда банка темнела, потому что неизвестно на что обижается. И вообще, обижаться без причин, прямо скажем, просто неприлично. К тому же на обиженных воду возят! Но сам житель банки никак не проявлял себя, кроме цветастой какофонии света и красочных явлений во снах.

Как-то раз Никита, посмеиваясь в душе над собой, попробовал потереть стеклянный полыхающий бок банки рукавом свитера, но Ангел игнорировал его робкие попытки. Правда, именно после этого он стал приходить в гости, перенёс цветомузыку в сон, даже раскрашивал сонное пространство перед Никитой, используя сочные пахучие краски, создавая удивительные картины, за идею которых любой художник неизбежно пожертвует жизнью, но и только. Хотя, если разобраться, это тоже было не мало, поскольку сны восстанавливали периодически исчезающий стимул в работе над текстами, избавляли от покрытой зеленью и плесенью тоски. Постепенно цветочные ванны превратились в своего рода допинг.

И все же сны были сюжетными. Лялька здорово умела их разгадывать, но она вот уже пару месяцев как потерялась в Земле Спасителя. Археологи всего подлунного снова кинулись в Палестину, потому что кто-то где-то под уцелевшей стеной Иерусалимского Храма опять нашёл подлинные апостольские Евангелия на «подлинной финской бумаге прошлогоднего выпуска Коткинского писчебуммаша»... – так Никита подтрунивал над женой, однако она была совершенно индифферентна к подобным шпилькам. Более того, прослышав про новые археологические находки, тут же без лишних обсуждений кинулась на передовую.

Из редких её посланий по Интернету, Никита узнал, что действительно нашли рукописи, действительно древние и что... и что жена задержится ещё совсем на чуть-чуть. Это значит, месяца три-четыре придётся жить холостяком, смотреть разноцветные дурацкие сны и мечтать о возвращении Ляльки, как о чём-то небывалом, несбыточном.

Возвёрнется археологиня до дому до хаты, ан мужа-то и нетути: устроился на Канатчикову дачу сказочником по совместительству, сны свои Никит-царевичи медсёстрам наизусть

рассказывать, коль на бумагу ничего путного не ложится. Но и Ляльку тоже понять можно было. Любой человек, если он личность, должен относиться к своему делу серьёзно.

Поначалу Никита пытался отвести жену от археологической страсти. Возможно потому, что заявлялась она из экспедиций совсем в неадекватном состоянии: исхудавшая, облезлая, пыльная, с нездоровым стеклянным блеском в глазах.

Её приходилось неделями отмачивать, оттирать в ванной, откармливать любимым карпом по-китайски, которого Никита отлично мог приготовить. Но только-только оборванка начинала превращаться во вполне цивильную принцессу, звучал рог Судьбы, она срывалась на очередные раскопы, все усилия мужа – хвосту под кот.

Вероятно, Никиту мучил обычный мужской эгоизм: «Скорей отдай мой каменный топор и шкур моих набедренных не тронь, Молчи! не вижу я тебя в упор, сиди там и поддерживай огонь». Когда-то Высоцкий спел свою песню с подковыркой всем семейным, но и сам попал под тот же топор.

Никита любил Ляльку, а любовь никогда не подразумевает дрессуру, скорее наоборот, самопожертвование и жена отвечала ему тем же. А в ответ на бурчание по поводу многочисленных экспедиций отрезала:

– Я ведь не мешаю тебе заниматься любимой литературой!? Если место друга занял твой Ангел, то и к нему я пока что претензий не имею. Заметь, я никогда не отнимала лиру у твоей второй жены Мельпомены, или у писателей другая муза?

– Вообще-то Эрато.

– Пусть Эрато, – усмехнулась Лялька. – Только она тоже женщина, и отнимая тебя на какое-то время, лишает меня уверенности, что ты ещё рядом, что можешь вернуться, а не остаться там, в запредельном Зазеркалье вместе с Эратой. Кстати, я одна, а у Эрато восемь сестёр – запросто помогут заманить тебя в силки. Им ещё твой Ангел не откажется помочь. Реально?

Потом его жена подошла к полке с книгами, вытащила какую-то, принялась листать и, наконец, найдя нужное, прочитала мужу:

– Я тут интересовалась пифагорейской школой и обнаружила там высказывание самого Пифагора, касающееся тебя. «Ваше собственное существо, ваша душа, не представляет ли микрокосм, малую Вселенную? Она полна бурь и несогласий. И задача в том, чтобы осуществить в ней единство гармонии. Лишь тогда Бог проникнет в ваше сознание, лишь тогда вы разделите Его власть и создадите из вашей воли жертвенник очага, алтарь Весты,¹⁴ и трон Зевса».

Я люблю тебя, муж мой, но люби и ты меня вместе с моими археологическими выходками. Прими меня такой, какая есть, ведь я же тебя принимаю. Только тогда восстановится меж нами гармония, и богиня огня подчинится тебе безоговорочно. Научись не только брать, но и отдавать!

На это сказать было нечего, пришлось смириться. Недаром мудрецы говорят, что женщина, если она действительно женщина, всегда права и лишь человеку свойственно ошибаться.

А Никиту в гордом одиночестве ожидали глобальные перемены. Однажды банковый постоялец пришёл один без сопровождающей его постоянной компании красок и образов. Он заявился, или возник в комнате как простой человек, в джинсах, в свитерке, ничем не отличающийся от какого-нибудь случайного прохожего, раздвигающего в толпе могутным плечом обычные плечи хилых сотолпников.

Вот разве только глаза. Мало того, что глаза у Ангела были разного цвета, это Никита заметил сразу же, но они посеяли какое-то внутреннее беспокойство, как будто приходилось висеть над пропастью, в межвременье, в ничегонеделании, ожидая неизвестно чего.

¹⁴ Веста (греч.) – огонь.

Кто-то из шибко мудрых изрёк в своё время исторически мудрёную фразу, что глаза-де – зеркало. Глаза Ангела действительно походили на зеркало. Ну, не совсем в прямом смысле, но на сухом лице, обрамлённом вьющимися тёмными волосами, вдруг вспыхивали два прозрачных родника, тоже разноцветных, и проваливались куда-то внутрь тебя, заглядывали в самое скрытое, сокровенное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.